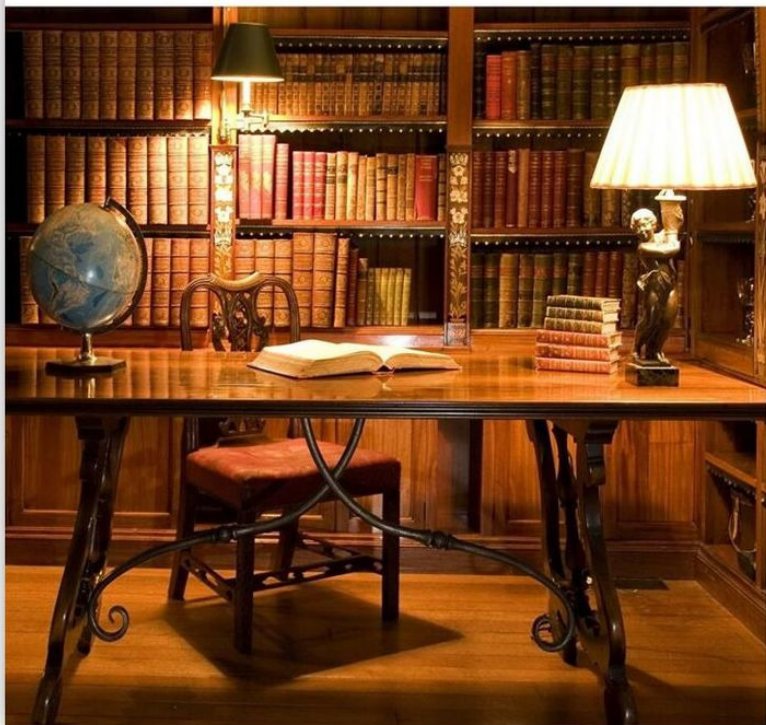

18+

Владимир Корчагин

Избранное

стихотворения 1976—2019 гг.

Владимир Корчагин
Избранное. Стихотворения
1976—2019 гг.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45101836
ISBN 9785005047670

Аннотация

Размышления, воспоминания, просто мысли вслух, разговор наедине со всеми. За сорок с лишним лет пройден путь от первых юных стихов до... читателю судить.

Содержание

Лесная фея	12
Игры детства	14
Счастье в доме дети	16
Ленивый снег	18
Тайная доктрина	19
Зазеркалье	21
Обычная история	23
Три слова	27
День мастера	29
Растопка	31
С тобой мне не знакомый	33
Время	35
Уступка	37
Ветеран	39
Поговорили	41
Потом	42
Ментор	43
Каникулы	44
Сказать охота	46
Здоровье за упокой	48
Найди следы	50
Однолюб	52
Симпатическим пером	54

И с тобой	56
Недоуздок	58
Запоздалые стихи	60
Улицы детства	62
Что ищешь?	64
Так надо	66
Забудусь в духе	68
С душой работать	70
Жаль прошлого не жаль	72
Город отца	74
Тихая улица	76
Философский трактат	78
На линии огня	80
Скол скрепы	82
Навязывать предложить	83
Прощение ошибки	84
Телеграмма	87
Рассудок и чувство	89
Не сказка и не быль	91
За гранью чувств	93
Игра без правил	95
Полгода	97
Связка	100
Отчет хороший	102
Школьные годы	105
Злыдень	107

Под Новый год	109
Прародина	111
Стихи о любви	113
На садовом крылечке	115
Возможная книга	117
На переходе	120
Невозможное откровение	122
Книга	124
Ночной каприз	126
Заморозок	128
За спиною шепот	130
Разъяснение	132
Дыханье осени	133
Срез следа мысли	135
Две биографии	136
Лицом к лицу	137
Дети спасительный круг	139
И не зови!	140
За миг удержаться	142
Исправить мир	144
Обманщица надежда	146
Островитянин	147
Эпитафия	148
Проблема третьей планеты	150
С юбилеем, отец!	153
Дозорный	155

Прочерк на бронзе	157
Старатель	158
Глупое счастье	161
Хвала болезни	162
В такую погоду	164
Я бы любил	166
Негромкая тишина	168
Последнее пристанище	169
Смешливая	171
Читателям	172
Точки на карте	173
Убегая, остаюсь	175
Люблю даром	177
Спасая семью	178
Весенние хлопоты	183
Сложно о простом	185
Юбилей	187
Встретимся однажды	189
Надо женщину любить	190
Зеркалу	194
Я выбрал	197
Прощальный вечер	198
Жестокий разговор	200
Разговор	203
Как хорошо	205
Обезьяна и Панда	207

Огонь души	209
Несвободна	211
Визит к отцу	214
Сон ли?	216
Настроение	218
Разговор с отцом	220
Волна	222
В духе	223
Молитва	224
Забытых чистых ощущений	226
Морозец старичок	227
Фаталист и оптимист	229
Утро раннее	230
Цыганка	232
Уеду!	234
Пятьдесят	236
Зима	238
Зима внезапно	239
Этюд	241
Зарисовки	242
Прогулка	243
Пенаты	245
Другу	247
Помнишь?	249
Мгновенья памяти	250
Роман	252

Старый дом	254
Судьба река	256
Немного философии	259
Чем кончится	261
Случайные мысли	263
Прекрасная осень	265
Совесть	266
Мечта	268
А вот фиг вам!	270
С иронией	272
Бомж	274
Гимн оптимиста	276
Мурлычу себе	278
Остров Сахалин	279
Папа спит	281
Помощь району	285
Злые игры	287
Рыбалка	289
Персик	290
Мы с другом	292
Сгущенка	294
Первые стихи	295
Каменный пояс	297
Арадан	299
Как ты мог	300
Мамин день	302

У могилы	304
Мама, мне больно	307
Мой дух	309
Не вернуть	310
Утраченный напиток	311
Решение простое	313
Выбор наш	315
Повезло мне поэту	316
Учитель	318
Ночи шёпот	320
Фактотум	322
Корочки вкус	325
Блудный сын	327
Будет сказка	329
Земляк	331
В сто первый раз	339
Мне пока что тайна	342
Тесть	344
Невестка	347
Канал	350
Домой	355
Смотрины	357
Перемены	359
По дружбе	361
Совет любви	362
Теория поля	364

Переглядки	366
На свободе мысли	368
В дорогу	370
Абитуриент влюбленный	372
Дембельский крест	374
Структура духа	376
Ритуал дембеля	378
Дядя Юзеф	380
Три портрета	383
Семейный обед	385
Недостоин	387
Порыбачили	389
Дом чужой	391
Конец ознакомительного фрагмента.	394

**Избранное
Стихотворения
1976—2019 гг.
Владимир Корчагин**

© Владимир Корчагин, 2019

ISBN 978-5-0050-4767-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лесная фея

Из заснеженной тайги
В шубке белоснежной
Вышла фея вечером
Подарить надежду...
Все, кто встретиться в пути,
Станут чуть счастливы.
В дом нежданная войдет,
Как из сказки диво.
Снег искрится серебром,
Звезд на небе россыпь.
Фея леса дарит то,
Встречный что попросит.
Хворый, скажут ей, малыш,
Летом будет годик.
Она прижмет его к груди
Поцелует в лобик,
Рассмеётся тут дитя,
Тянет погремушку.
Если фею угостить
Будет в доме нечем,
Шубка сброшена с плеча
Хлопотать у печи...
И она уйдет в тайгу,
Как пробьет двенадцать,

Но к избушке, где живет,
Знайте, не добаться.

Игры детства

«Шишел-мышел, взял да вышел» —
Всем знакомая считалка.
Мне водить, ах, ёлки-палки!
Разбежались все как мыши.

Галка спряталась в сарае,
Толик спрятался в кустах.
Детство в памяти играет,
«Шишел-мышел» на устах.

Чижик-пыжик – вот забава!
Лунка, бита и брусок.
Ловкий сделаешь бросок,
За чижом бежит орава.

И с утра и дотемна
На дворе играют дети.
Помню я забавы эти
С детства – чудная страна!

«На златом крыльце сидели» —
Мишка строго счет ведет,
Нынче кто голить пойдет.
Было так ли в самом деле?

Детство в памяти играет,
Повторяет всё считалки,
Не вернуть то время, жалко.
На дворе играл вчера я...

Счастье в доме дети

Ребенок в доме?.. Мне уже не надо.
Ну, дед, ты что? Я внучке нашей рада,
Прижать к груди малютку дорогую...
Пеленки, соски, слёзы ..., жизнь такую
Не очень хочется под старость начинать.
Ах, мужики, вам женщин не понять!..
Куда уж нам..., держи кусочек счастья.
И губы, нос, глаза – в бабулю мастью.
Меня увольте, сами с ней покуда.
Вставать средь ночи вам, а я не буду.
Четыре сына нянчил, слава богу.
Здоровье уж не то, и дел неупорот.
Дитя проснулось, слышите?.. орёт.
Иль мокрое оно, иль хочет кушать.
Невинная слеза берedit больно душ.
Я ухожу к себе, а вы тут, бабы, сами...

На тридцать лет назад уносит память.
Двенадцать метров в комнате жильё,
Вдвоём в тазу стираем детское бельё,
Когда приеду вечером с завода.
Второй родился – минуло два года,
Крутились мы, как белки в колесе,
Что в комнате одной ютились все,

Не стоит говорить, жена еще училась.
По молодости лет на всё хватало силы,
Семейный быт, заботы и тревоги.
Дают нам третьего сынишку боги...
С утра ведём детишек в детский сад,
Я на завод, жена домой спешит назад:
Стирать, варить, убраться и погладить.

И всё опять начать? Не надо, бога ради!..
И для себя пожить пора бы, отдохнуть,
А как дитя орёт средь ночи, не уснуть.
Уж не терпеж, помочь им что ли,
Я всё же дед, не избежать мне доли,
До самой смерти с детками возиться.
Весь опыт прежний ныне пригодится.

Летели годы, внук родился пятый.
Как вы живете, спрашивал у брата,
У вас давно детишек полон дом.
Привыкли, говорит, гоморра и содом.
Но любим всех, пускай еще рожают.
И деться некуда от них, и раздражают,
И без детей и дом не дом, тоскливо.
Вы счастливы. И я тогда счастливый.

Ленивый снег

Редким нынешним снежинкам
До весны трудиться, чтобы
Превратить меня в сугробы,
Но чудна зимы картинка.
Небо купол – не с овчинку, —

Бело-синее в просторах.
Солнца круг висит в короне,
Ветром воздух легко тронет,
Ковер ткется белый споро,
В синей мгле не видно город.

Воздух вкусный, не напиться,
И морозца дух приятен,
Снега все-таки не хватит,
Чтоб в сугроб мне превратиться,
Я шагаю – снег ложится.

Тайная доктрина

Иль сосланы сюда с других планет,
Или плодятся духи в тонком мире —
Вопрос, а значит, существует и ответ,
Коль поглядеть поглубже и пошире.

Иль вокруг Земли их сонмы обитают
В особом тонком слое в ожиданье,
Иль из глубин Вселенной прилетают,
Не суть, коль в том нужда, или заданье.

Живущим кажется – прекрасная Планета!
Но с чем сравнить, других-то мы не знаем!
Или не помним, дух, где носится по свету,
Или не верим в то, во сне что вспоминаем.

Всё то, что рождено, обязано погибнуть,
Через распад пройдя, принять иную плоть.
От смерти страх поёт бессмертью гимны,
В любую выдумку готов поверить вновь.

Но всё же, за порогом есть существованье,
Пусть этот мир для нас за плотною завесой.
Что понимаем мы в устройстве Мироздания,
Природой рождены, а не раскрыли тайны леса.

Доктрина тайная, но мы к ней не готовы,
И можем лишь на веру всякое принять.
За гробом – жизнь, и разве это новость?!..
Верить ли, не верить, нам же выбирать.

Зазеркалье

И глядя в зеркало, за ним
Не то, что должно отразиться, —
И я, и отраженный я напротив не стоим, —
Предметы чуждые, и лица.

И в страхе чтоб не столбенеть,
Я ущипнул себя пребольно,
Глаза закрыл, зачем глядеть
На шутки разума, довольно!..

Сильнее страха – интерес.
Пусть от ногтей болючий след,
Так не шути со мною бес,
Я не поверю в это..., нет!..

Не утерпел, взглянул еще,
И некто тут к стеклу подходит,
Толкнул он будто бы в плечо:
Реальный я, как ты, Володя!..

Я брежу, сплю, слетел с катушек?!
Ногтями впился больно в кожу,
А он: Не бойся, друг, послушай,
Сгрызи хоть пальцы, не поможет!

Я есть твоё воображение,
И то, что жаждал ты иметь —
Любви, успеха, счастья, денег...
В себя не хочешь посмотреть?!

Молчу.... И верю, и не верю,
Так не бывает, это – шутка!
Войди, не бойся, в эти двери —
Он говорит, – хоть на минутку.

А ты – предмет воображение,
Ты можешь в жизни воплотиться?! —
Кричу ему я в раздражение,
И головой готовый биться

В стекло зеркальное отчаянно...
Очнулся.... Как так получилось,
Иль с пьяных глаз, или случайно
Трюмо старинное разбилось.

Обычная история

В разводе мы. Раз в месяц приезжаю
Общаться с сыном. На ночь остаюсь.
Что чувствуешь, скажи, ведь я не знаю.
Как не крути, я муж, хоть бывший пусть.

Я ничего не чувствую, не бойся.
Хотела бы, лежал бы возле ног...
Но не прощу тебя за то, что бросил...
Не позову назад, себе дала зарок.

Не я ушел – ты выгнала. Не так ли?
И настояла даже – ребенку не отец.
Устраивать любила ты спектакли.
И «орогатила» меня ты, наконец...

Я не хочу о прошлом, помолчи-ка.
Любовь мою ты подло растоптал.
Претензии мне слышать просто дико.
Меня ты на другую променял!..

Был холостяк я пару-тройку лет.
Следила ведь, как маялся в общаге.
Как ты жила, мне вовсе не секрет:
Приют давала каждому бродяге.

Как мать Тереза, добрая душа.
Я только мужиков жалела тех,
Кто без жилья, заботы и гроша.
Да, помогала. А разве это грех?

Парадоксально! Законного супруга за порог,
Лишив жилья, отцовства и опоры,
Чтоб жизнь свою устроить он не мог,
В отместку слух пустить?.. О, это здорово!

А как хотел? простить за мордобой,
Что не оставил средств к существованию?..
А я тебя любила!.. Боже мой!..
Что ни скажи, быть не желаю крайней.

Пусть так. И мне досталось поделом.
Твоё тогдашнее понятно поведение.
Я не пропал. Построил новый дом.
Стучусь к тебе без совести зазрения?!..

И точно, как к любовнице.... Ха-ха!
Заметь, тебя я не зову, не прогоняю.
Семьей, как вместе жили, я – плоха,
Как потерял, так слаще?.. Ну, не знаю.

А помнишь, как у нас всё началось?..
Как ты пришла как будто за тетрадью.
Не помнишь?.. Ну, ты это брось!

Хоть не хитри сейчас-то, бога ради.

Что вспоминать. А мог бы отказаться.
За мной пошел, как пальцем поманила.
А как к тебе еще-то подобраться?..
Меня не замечал.... Ну, было, было.

Как я легко попался на крючок,
Что через день дошло и до постели...
Тебе я всё же благодарен за урок:
С тем жестко спать, кто мягко стелет.

Известно всем: любить вслепую глупо.
Да кабы знать, что выйдет, наперед!..
Голодный ты?.. Давай согрею супа,
И у меня под ложечкой сосет...

Спасибо, нет... я выйду покурить,
Мне заодно размять полезно ноги.
Необходимо мне с тобой поговорить
Пред тем, как разведут навек дороги.

О чем? Семья ведь не сложилась.
О прошлом неприятно вспоминать.
Мне кажется, тебя давно простила,
Есть сын, и я заботливая мать...

Ну что ж, прощай! Навряд ли появлюсь
Когда-нибудь. Последний мой визит.

Рассудит бог, тогда что было, пусть.
Поговорил с тобой, душа и не болит.

Три слова

Слова, как «бог», «любовь» и «счастье»
Понять умом не в нашей власти,
Но каждый знает будто бы значенье,
И даст по-своему словам определение.

Для верящего «Бог» – небесный царь,
Им всё сотворено, земли любая тварь,
Прощает грех, кто свят, тому и в рай.
Не объясняя, Бога чувством понимай.

Любовь, как слово, проще объяснить,
Казалось бы, но рассужденья нить
Приводит к чувству, здесь заstopорится,
И разумом в суть слова не пробиться,
Как это чувство столь парадоксально:
Крылато, зажигательно, фатально,
Изменчиво, и сумасшествия на грани,
Кристалл с числом бессчетных граней.
Кто испытал любовь и не сгорел от страсти,
То до конца у чувства этого во власти.

Любовь и бог сложи, получишь счастье,
Прибавь еще семью, детей, здоровье, злато —
Вот счастье полное; дается нам задаток,

Чтоб счастья храм могли бы возвести,
Не спутав цель и ценности, и верные пути.

Три слова: Бог, Любовь и Счастье —
Есть смысл жизни, наше в ней участие.

День мастера

Звения, стуча, телега перекатки
Везет детали в мульдах не спеша.
Пометки карандашные в тетрадке
Сверяет мастер, графиком шурша:

«Кругляк точить калибры токарям,
А листовой – на скобы и шаблоны,
Отжечь в термичку вечером отдам,
Чугунные притиры – на поддоны;

Технологам бы сбегать в АБК,
Чтоб изменить порядок операций,
Скорей сбыть, включили «дурака»,
А мастеру есть время разбираться?

Головку фрезерную надо заказать,
И сверла удлинить отдать на пайку;
Планерка, не забыть, сегодня в пять,
Кого там нынче вздуют, угадай-ка!...»

Как выжатый лимон, в вагоне тесном
На полчаса для мастера спасенье:
«С женой поссорюсь нынче, интересно,
Приедет в гости теща в воскресенье?...»

Последнюю достав из пачки сигарету,
Он не спеша шагает по перрону:
«До отпуска дожить, скорей бы лето,
Не каркай ты, противная ворона!...»

Растопка

Как растопка в гараже
Стопкой книги гнили,
Не прочтет никто уже,
Зря их сочинили.

В топку Пушкин полетел,
Он горит отменно,
Огонь Тютчева доел,
Проглотил мгновенно,

И глагол поджег дрова,
Превратился в уголь,
Ярко вспыхнули слова,
Завертелись вьюгой,

И романа толстый том
Корчится от жара,
И Толстой горит огнем
Не прочтенный, даром.

Брызжут искры словари,
Знаний мира кладезь,
Мудрость некому дарить,
Гибнут книги в чаде.

Как растопка для печи
Стопки книг лежали,
Им уж некого учить,
Зря их сочиняли...

С тобой мне не знакомый

С тобой мне незнакомый, хотел бы поделиться,
Как жил, что видел, знаю, и вместе подивиться
Моей судьбой простою, найдя в ней приключенья,
Где каждый перекресток со смыслом и значением,
С тобой вдруг обнаружим и сходство, параллели,
Что где-то жили рядом, встречались в самом деле
На остановке, в парке, на почте, в магазине,
Друг друга не признали в каком-то там мужчине,
Прошел, мол, посторонний прохожий неизвестный,
Не встретились мы даже в автобусе, где тесно.
Знакомых пусть немало, родных вокруг полно,
Поговорить-то не с кем по душам всё равно.

Тебя, мне незнакомый, коль встречу, не узнаю,
Что оттолкну невольно, виной заранее маюсь,
Быть может, мы с тобою давно друг друга ищем,
Ты высоко летаешь, кажусь тебе я нищим,
Иль я в себя погружен, не различу прохожих,
Судьба одна дается, хоть множество дорожек.
Как в поезде, бывает, соседу вдруг расскажешь,
Что брату и по пьянке не доверяешь даже,
А тут чужому дяде, как будто бы родному
Всю душу нараспашку, молчал годами дома.

С тобой, мне незнакомый, хотел поговорить,
Ты выслушаешь, молча, не станешь и корить.

Время

Возможности прожорливое время
Глощает не минутами, а днями,
И пропасть шире, глубже между нами,
И расставание неизбежное со всеми.

Пыль времени изъела наши лица,
И выжгла души в пустошь безразличья,
Возможности, какие есть в наличие,
Ночами с памятью жестокою не спится.

Как сладостна отравя воспоминания!..
Течения времени насмешливы гримасы,
Сломать судьбу порой хватает часа,
А миг иглой смертельно сердце ранит.

Но время выдумка и чувства преломленье,
Оно есть ткань бездонного пространства,
Сознание духа в плоти бранный странствие,
И жар огня, и медленное тленье...

Но разум мыслью время уплотняет,
Былое с будущим в единое сведет,
Охватит зреньем весь событий ход,
Что время есть, он будто бы не знает...

Мальчишка с удочкой бежит уже по тропке,
Чтоб не мочить росой, несет в руках сандалии,
И там ладошкой хлопнет, где комар ужалил,
И выйдет, наконец, на берег топкий...

Покинув мальчика, он юноша влюбленный,
Как подойти сказать, волнуется, робеет,
Кидает взгляд, следит тайком за нею,
Она как ангел, грезится и крылья, и корона...

Боль возвратит назад, где нынче тело,
Такое старое, что тяжело часто дышит,
И время духу шепчет зовом чувства свыше:
Пора!.. Иди, бессмертный мыслью, смело.

Уступка

Я уступил твоим слезам,
Но не тебя тогда жалея,
Душой, не знал, что огрубею,
Что не любовь тебе отдам,
А долг. Пороки воспитанья
Не спрячешь, совесть притупить
Словами можно, их твердить,
Прощай сказать, не до свиданья.

Я уступил твоим коленям,
Трусливо гордый над тобой,
И дрогнет сердцем тут любой,
Согреет холод отдаленья,
Но принужденья чувство зрело,
Сосало душу в глубине,
Быть подлым хочется ли мне?
Я сделал так, как ты хотела.

Я уступил, не уступая,
И обманул тебя надеждой,
Броня протеста под одеждой:
Я не люблю!.. А ты слепая...
И страх остаться одинокой,
Любить, сгорая униженьем,

Ловила каждое движение,
Не отпускать меня далеко.

Я уступил и был наказан
За слёзы, страх и нелюбовь,
Врагом тебе уже свекровь,
И подло бьёшь колючей фразой.
Скрипеть зубами бесполезно,
Я стервенею с каждым днем,
Её любовь палит огнем,
Мост ненадежный, снизу бездна.
От сжатыя смесь внезапно может
Всё к черту в клочья разорвать!..
Мне надоело уступать...
Что натворил, прости мне боже!..

Она испуганно поспешно
Без слёз сказала твердо: Вон!..
Я, оказалось, был влюблен.
И уступал любя, конечно...

Ветеран

Разве знают войны ветерана
В нашем доме? Какой-то старик
Из подъезда с собакою рано
Выйдет, к этому всякий привык.

А сегодня он вышел в тяжелом
Пиджаке от военных наград,
Твердым шагом направился в школу,
Приглашение пришло от ребят.

Он расскажет, как бились с врагами,
Что пришлось испытать на войне:
Смерть и кровь, стужу лютую, пламя;
Взрывы бомб, горизонт в пелене.

Как в атаку по полю бежали,
Как косил их ряды пулемет,
Как в живых единицы остались,
С батальона не больше, чем взвод...

Но рассказывал он не ребятам,
И никто, может, в школу не звал,
На могиле у друга солдата
Вместе с ним о войне вспоминал...

Кто-то скажет, что так не бывает,
Что забыт ветеран в наши дни,
Дети, внуки, друзья поздравляют,
Как героя прошедшей войны.

Да, за Родину гибли солдаты,
Честь-хвала им во веки веков,
И героев мы чествуем свято,
Помним горе и мужество вдов.

Умалить не удастся Победу
Никогда, ни за что, никому!..
Я смотрю фотографии деда,
Он погиб, было тридцать ему.

Поговорили

О чем ты, право, не пойму,
Подробности затерлись...
Надолго время не займу,
С тобой играя в керлинг.

Кто камень ближе в цель катнет,
Шлифуя словом фразы,
Кто аргумент такой найдет,
Чтоб ясно стало сразу...

Трясти мне грязное бельё
Противно и позорно...
Дослушай фразу, ё-моё,
Хотя бы и притворно.

Признать ошибки и простить,
И попросить прощение...
Я оборвала с прошлым нить,
К чему нравоученья?..

Потом

Потом с тобой поговорим,
Когда уж будет поздно,
Когда ошибки без стыда
Признать нам будет можно.

Потом, когда-нибудь потом
Мы подведем итоги,
Когда без веры и надежд
К словам любим нестроги.

Когда не будем обвинять
Во всех грехах друг друга,
Когда бесстрастны и скучны,
Всё скажем без натуги.

Потом с тобой поговорим
И подведем итоги,
Черт не дождется и уйдет,
Но рассмеются боги...

Ментор

Я наблюдал за ним от самого с рождения,
В критический момент толкал его слегка
Желаньем чувства мысли, и так могла рука
Исправить ход событий волей провиденья.

А если он неверно сигнал тот понимает,
Иль не заметит, препятствовать не надо
Его свободной воли, я оставался рядом,
С душой перекликаясь, и ангелом витая.

Судьба есть отпечаток, рисунок на ладонях,
В основе неизменен, штрихи добавить можно,
Я научу по книгам, как не прочесть их ложно,
Как избежать ошибок, влияний посторонних.

Контроль он не заметит, я у него наставник,
Не вмешиваюсь грубо, лишен такого права,
Но помогать духовно могу в согласие устава,
Как душами мы схожи, контакт, имея давний.

Каникулы

В такие дни, в каникулы, ни часа
Остаться дома просто невозможно.
Подростки пацаны после шестого класса
На речку шли, в поля, и шкодили безбожно.

Кто умыкнет капроновых игрушек,
Кто раздобудет пороха пакетик,
Есть чем теперь порадовать нам душу,
Каникулы запомнятся нам эти!..

Часа в четыре утра на протоку,
Елец и хариус клюёт пока на «мушку»,
Через поля идти и вовсе недалеко,
В бутылке чай, лук, соль, румяная горбушка.

В такие дни, как нынче жарит лето,
Сидеть под крышей дома невозможно!
Трусы, сандалии, шляпа из газеты,
«Войну» в траве устроим придорожной.

Кусок фанеры в щит, штакетник в меч
Преобразит в тот час воображенье,
Всё в щепки искрошим, чего беречь,
Когда в разгаре жуткое сраженье!

Царапины, занозы, синяки —
Лишь распалят раненья боевые...
Каникулы!.. Как дни те далеки,
«Убитые» лежим в траве живые...

Сказать охота

Кому и что мне хочется сказать,
Не то, что говорю я по привычке?
Бумага стерпит – зря её марать,
А мысль стгорит быстрее спички.

В гостях у брата. Выпили. Ни слова.
Не получается душевный разговор.
О пустяках мы поболтать готовы,
А вышло, что затеяли вдруг спор.

О кошке. Зюзя. Что ты, Толик, Машка!
Прибилась к нам, как жили за каналом.
Соломинкой тайком мы пили бражку
Не там, а здесь, от мамки нам досталось.

Да, ладно, Толик, выпьем и забудем.
Хотелось что-то важное сказать,
Язык души в словах порою скуден,
Не краснбай и нынче, твою мать!..

А уезжал, мы наспех попрощались.
На год. На два ..., а может навсегда.
А я назад увез свои заботы и печали,
Вернусь еще когда-нибудь сюда?

Ну, ладно, брат за сотни километров,
Жена-то здесь, под боком, как чужая.
Давай поговорим. О чем? Я сигарету
Зажег. О чем, пока еще не знаю...

Я занята, болтать мне нет охоты,
Заранее я знаю, что ты скажешь!..
И откровенничать мне расхотелось что-то,
Она как будто совершила кражу.

Но у меня один есть верный друг —
Бумага! Я ей без оглядки доверяю,
Не оттолкнет, рассудит мой недуг,
И не предаст, я точно это знаю!..

Здравие за упокой

Сознание «я» небытия боится.
Не оттого ли возникает страх,
Что дух вне тела вольной птицей
Бездомный неимуший? Как во снах

Становится немым, глухим, незрячим;
Не дышит, не питается, не спит,
Но видит, слышит, говорит иначе,
Как мысли чувств сферический магнит.

Пусть мнимый мир прекрасен разноцветьем,
Но в нем нет плотности, ни ночи и, ни дня,
Там власть любви, но не родятся дети,
Там благодать, но только нет меня!..

Пусть родниковая вода, но ею не напиться;
Пусть воздух чист, дышать им невозможно;
Нет рук и ног, не будет сердце биться;
Прекрасен пусть, но все-таки он ложный!..

А если страхи дух в себя впитает губкой,
И страсть желаний жжет его огнем,
Тогда и мир его не рай, а душегубка,
Тогда покажется и миг тягучим сном.

Любовь утратить духу хуже смерти,
Как сам он из любви энергий состоит...
Что вам наплел, вы верти иль не верти,
Всегда на грани помешательства пиит.

Из пальца высосать никто не может знаний,
И с потолка тем паче не возьмет...
Дух, уходя, не скажет: До свиданья!
И письмецо в конверте не пришлет.

Страх умереть сознание ли терзает,
Иль тело так боится умереть,
Что небылицы ум бесстыдно сочиняет,
Что там, за гробом, вот бы посмотреть!?..

Найди следы

Туда мне ехать бесполезно
Следы затертые искать,
Там в новой жизни я исчезну,
Как лет минуло тридцать пять.

Не постоять мне на «Орбите»,
Друзей не встретить, где они?
И вы меня там не ищите.
Мы в новой жизни не видны.

Пень сгнил давно в Зеленой роще,
Где пили водку за успех,
Туда не ехать будет проще,
И без того я помню всех.

Мой первый курс неповторимый,
Событий в нем не перечесть.
Студгородок проеду мимо,
И увезу с собою весь.

Сойти, зачем на остановке,
Где мне чужая молодежь,
И не стоять у самой бровки,
Тех дней чудесных не найдешь.

Сказал и... вышел торопливо,
Боясь на ленту опоздать...
Пусть всё в былом, но я счастливый
С минувшим встретиться опять.

Однолюб

Этот мужчина готов подождать:
Любимая станет вдовою.
Десять пройдет или лет двадцать пять,
Неважно, я рядом с тобою.

Ему говорят: Не губи свою жизнь,
Она тебя явно не любит,
На очень похожей пока что женись,
Так делают многие люди.

А он говорит, мне забыть не дано
Любовь, я рожден однолюбом.
И преданным буду я ей всё равно,
Шепнули «жди» будто бы губы.

Чудак ты, друзья говорят напрямик.
Дождешься, как станет старухой.
Лет через тридцать сам станешь старик,
Могила вам будет порукой.

Пусть так, отвечает, я век холостой,
И сватать меня бесполезно.
Ты, друг, у супруги своей под пятой.
Любовь между вами? Нет! Бездна.

Если и любит, так деньги твои,
Наряды, веселье, курорты,
Измены и ссоры таи, не таи.
Где дети? Увы, лишь аборты.

Жестоко меня ты сейчас причесал.
Сор не выносят из дома...
Любовь твоя первая, что, идеал?
Вы шапочно были знакомы.

Вот почему я такой однолюб,
Пусть тайной останется лучше,
Давно я на женщин затачивал зуб,
Подыскивал только лишь случай.

И та, что посмела тогда отказать,
Станет моею супругой!..
О, как изощренно смогу наказать!..
А я излечусь от недуга.

Симпатическим пером

На холсте воображенья
Память кистью воспоминания
Разноцветно быть в движенье
Рисовать мне сказки станет.

Я-то знаю, что другое,
Что не так происходило,
Но приятно и забавно
Кисть романтика водила.

Страхи все листвой покроет,
Глупость выглядит успехом —
И портрет готов героя!..
Я горжусь собой... Потеха!

На холсте воображенья
Мир как будто идеальный,
Но местами серый, грубый,
Безрассудно хаотичный,

Где влюбленность беззащитно
Расцвела в траве фатально,
Нереальный мир мечтаний
Даже очень симпатичный!..

И с тобой

И с тобой, и с тобой, и с тобой,
Равнозначен был выбор любой,
Те же беды хлебнуть б довелось,
Но не лучше нам было бы врозь.

Знать судьбу наперед не дано,
С кем её проживать всё равно,
И с тобой, и с тобой, и с тобой,
Обернется ли счастьем, бедой.

Будет так, как мог Бог обещать,
Если путь свой достойно начать,
Иль идти по дороге кривой
И с тобой, и с тобой, и с тобой.

Я к себе был безжалостно строг,
И за то, что жить верно не мог,
И за то, что беспутный такой,
Разрушаю душевный покой,

Не могу оправдать ожиданий,
Кто любить непутевого станет?
Пусть судьбу свою свяжет другой
И с тобой, и с тобой, и с тобой!..

Недоуздок

Мне больше нравится уздечка без удила,
Не полная свобода, но свобода,
Пусть внешне я на зависть походил
На вольного стрелка синебородым.

Но мой язык так подло откровенен,
Что в тот час всем секреты выдает,
И краснобай по пьянее тем не менее,
Себе хвала, не комплементов льётся мёд.

Или заумь нахлынет вдохновеньем,
И тешит он тогда тщеславие ума,
Где и солжет без совести зазрения,
Умен мужик, подумают, весьма!..

Не разглядеть на морде недоуздок
И скакуна со шпорами и плеткой,
Что у души обзор эмоций узок,
И ум согрет так парой-тройкой водки.

Свобода мнимая мне кажется милей
Свободы, как не знаешь, что с ней делать,
В наморднике привычного смелей,
А в поле диком сразу неумелый....

Ну, вот опять я вам нагородил
Нелепых фраз с хромающей рифмовкой,
Мол, нравится уздечка без удил,
А намекнул так тонко про сноровку

Из пустяка слепить ритмичный стих
Без истин и глубоких изречений,
Чуток идей забавных и шальных,
По вкусу сахар, соль – готово угощенье!

Не верти автору, а как он вас отравит,
И что тогда, начнете вы плеватьсь?
Ему едино как примазываться к славе,
И всё равно, стихи, коль не годятся.

Запоздалые стихи

Тебе стихи я посвящал,
Ты ничего о том не знала,
Жалел, винил, рубил с плеча,
И слов других сказал немало.

Вот три десятка лет прошло,
Нашли друг друга в интернете,
Язык молчал, нет прежних слов,
Стихи не к месту были эти.

Глаза в глаза признаться смело
Тогда казалось невозможно,
Теперь, как поздно, расхотелось,
Да и признание стало ложным.

Горячий блин да с пыла, с жара
Куда вкусней, а вот холодный
Не нужен он и даже даром,
Конечно, если не голодный.

Так и стихи полны страстями
И тронут сердце, греют душу.
Как три десятка между нами,
Вполуха будешь молча слушать.

И хорошо, что ты не знала,
Что для тебя я сочинял
Могло что быть, что не бывало,
И слёзы горькие ронял.

Ах, боже! – ты не восклицала,
Читая ранних сочинений,
И мне упреков не досталось.
Как жаль! – скажу я тем ни менее.

Улицы детства

Вот здесь я в чижика играл
С окрестною ватагой,
И в небо змея запускал
Из реек, обтянутых бумагой,
А здесь играли в чехарду,
Чуть не ломая шеи.

По этим улицам пройду
Назад полвека, где я
Девятилетним пацаном
В сугроб нырял с забора,
В саду с Валеркой под окном
Поспорили до ссоры.

А эта улочка в канал
Приводит через дамбу,
Я на плоту как адмирал,
Тараню Витьку.... Амба!
Трещат плоты: На абордаж!
В воде мы с Витькой оба.

А флот уплыл из досок наш,
Не выдержали скобы.
А эту лавочку я сам

Пилил, строгал, мастрячил,
И приглашал под вечер дам,
Как рыцарь настоящий.

Татьяна, Олечка, Валёк
Мои навек подружки,
От этих дней тот день далёк,
Они теперь старушки.

И здесь, и там я подмечал,
Для всех чужой прохожий,
Что край мой милый всех начал
На этот не похожий.

Что ищешь?

Что ищешь грустная душа,
В стране минувшей грёзы?
Там так же было, как и здесь —
Шипы на ветках розы.

Быть может, хочешь побывать
В одеждах белоснежных,
Вернуть назад и вкус, и цвет,
И доброту, и нежность?

Чтоб жизнь была вся впереди,
Ни как теперь – прожитой,
Туда, ведь знаем мы с тобой,
Дверь навсегда закрыта.

Идти со мною суждено
До старости глубокой,
Душа, скажу, не торопись,
Не брось меня до срока.

Когда на землю упаду,
Как лист сухой осенний,
Тогда вернешься в грёзы снов
До смерти за мгновенье.

Так надо

Надо так надо идти воевать,
Напали враги вероломно,
И чтоб не убили, пойду убивать,
Как мира нет в мире огромном.

А раньше привычно ходил на завод,
Точил из металла детали,
А нынче в солдаты страна призовет,
Как враг свои зубы оскалил.

Я лично войны никогда не хотел,
По людям стрелять не охота.
Оторван от дома, семьи и от дел,
На фронт отбываю в пехоту.

Ведь те, кто напал на страну,
Простые и мирные люди,
На гибель себе развязали войну,
Бомбят, стреляют из пушек.

Деревни и села, горят города,
Смерть косит невинных повсюду,
Вот почему, как и все, я солдат,
Претит убивать, но я буду.

Забудусь в духе

Забуду всё, конечно я забуду
Подробности и память, и язык.
Сам дух в душе особенное чудо,
Привязываться к телу не привык.

В него он воплощается учиться,
И выйдет из него без сожаленья.
Кто разумом исчезнуть не боится,
Поверит в духе жизни продолженье.

Сознание пусть телесное исчезнет,
А часть его в духовном отразится,
Не пропадет оно и в самой бездне,
Вернется в тело заново учиться.

Миллионы лет затянут в круговерти,
Туда-сюда дух скачет по телам.
Ему всё временно: жена и муж, и дети,
Без имени, лица, бесполой сам.

Другая физика, другое измеренье
В той области, где духи обитают,
Диполь ли, плазмы ли горенье,
И есть ли вообще, увы, не знаю.

Забуду всё земное в одночасье,
Как мозг затухнет без питания,
Не умирать не в нашей власти.
Прощай, а лучше до свиданья!

С душой работать

В этот раз душу дали загаженной.
Боже мой, кто ж тебя опаскудил?..
Мусор, гниль, вонь застоя, нет скважины,
Истрепали в конец тебя люди.

Да, работы мне, век не управиться,
Вымыть, вычистить, выставить рамы.
Не сейчас, а потом мне понравиться,
Как отмою и вылечу раны.

Ты, душа, как сиротка у мачехи,
Я возьму на себя твои беды,
Расцелую головку и пальчики,
Стану другом тебе, не соседом.

Ну, не плачь, дорогая, не надо,
Я умою тебя, приодену,
Бескорыстно, без всякой награды,
Подожди чуть, грядут перемены.

Подрастешь и красавицей станешь,
И любовь в тебе вновь поселится,
Прорастешь не бурьяном, цветами,
Запоют в тебе райские птицы.

А сейчас нам работы не меряно,
Будем мы неустанно трудиться,
И по жизни шагая уверенно,
Не придется нам больше стыдиться.

Жаль прошлого не жаль

То я боюсь забыть бывшее,
Перебирая день за днем,
То говорю себе, не стоит
Хранить, а выжечь бы огнем.

А вскоре снова пыль сдуваю
С далеких дней, и улыбнусь
И фото старому, листая
Альбом, а он наводит грусть.

Нет, нет, нельзя так беспокоить
Почти уснувшую печаль,
Пусть остается всё в покое,
Не жаль мне прошлого, но жаль...

И лето нынешнее тоже
Уйти неспешно собралось,
Забывать весну оно поможет,
Весна опять придет авось.

Ведь жизнь моя не настоящая,
С надеждой верится мне в ложь,
И не меня уложат в ящик,
На мертвеца я не похож.

Трех лет девчонка прибегает,
Влезает к деду на коленки,
И он как дочку приласкает
Свою же внучку. Эта сценка

Невольно в прошлое забросит,
Когда ты сам такой же кроха
Трех лет, пяти и даже в восемь
Звал мамку, если было плохо.

А мамы нет, и некому утешить,
И старику и плакать не пристало.
В минувшее ни поездом, ни пешим
Не попадешь, а там бы снять усталость,

Одежду сбросив, с берега нырнуть.
Как хорошо!.. Уходит тихо лето,
Но я вернусь, меня ты не забудь,
Дитем опять когда-нибудь и где-то,

Как в той же внучке мамина душа
Живет, быть может, да я не узнаю.
И дни ушедшие, меня уж не пугают,
Подхватить внуки душу и мою...

Город отца

Один я в Городе, семнадцать
Мне лет исполнилось недавно,
Куда пойти, к кому податься,
Где денег взять, вот это главное.

Вода и хлеб – мои обеды,
Я у соседей тырю сахар,
Засну во вторник, встану в среду,
Ни сил, ни воли и ни страха.

Майор пропал в командировке,
Не помню, месяц или два,
Дождись меня, сказал он, Вовка.
Помру, дождусь ли я едва.

Зачем увез меня из дома,
Чтоб бросить в Городе чужом?
Да, он чужой, но мне знакомый:
Отец мой жил когда-то в нем.

Но три сестры его и мама,
Как прежде в Городе живут.
Я к ним ходил..., ах, мелодрама!
Родня – помогут и спасут!?

Ты кто такой? Зачем приехал?
У нас своих забот полно...
К столу не звали, вот потеха!..
Тогда мне стало всё равно.

Сестра мне, сродная, десятку
Дала. Спасибо! Буду жить.
Как не пропал тогда, загадка,
Помог ли Бог?.. Кого винить?

Пек хлеб я месяц на заводе,
Я сыт, в тепле, среди людей,
Чужие родственники вроде,
Родных чужие мне родней.

Домой, домой скорее, к маме,
Я подгоняю в мыслях поезд,
Стучат колеса под ногами:
Прости ты их, винить не стоит!

Тихая улица

Зеленая тихая улица,
Редко проедет машина,
Старик одинокий сутулится,
Женщина за руку с сыном,

Пацан прошумел самокатом,
С балкона трясут половик,
Гурьбой прошагали ребята,
Опять появился старик.

Бордюр заступил и по улице
С пакетом идет не спеша,
Смотрит под ноги, сутулится,
Чуть ноги в коленках дрожат.

И с ревом промчалась машина,
Удар, крик, визжат тормоза,
Охнула женщина с сыном,
Невольно прикрыла глаза.

Двери открылись, мужчина
Над телом склонился проверить,
Зачем-то пакет отодвинул,
И скрылся поспешно за дверью.

Минуту решал с сигаретой,
Что делать, и дал по газам,
Взметнулась как птица газета,
Где кровь, успокоилась там.

Примчалась машина с сиреной,
С носилками люди в халатах,
Толпа появилась мгновенно:
Мужчины, старухи, ребята...

Занес в протокол полицейский
Всё то, что недавно случилось,
Старика, что задавлен злодейски,
Увезли, и толпа растворилась.

Замыты следы на дороге,
И редкий прохожий пройдет,
Что было здесь, помнят немногие,
Как будто минул уже год.

Гуляет старушка с собачкой,
Звучит из окна пианино,
В подворотне котовая драчка,
Женщина за руку с сыном.

Философский трактат

Да, философские трактаты
При взгляде беглом чушь сплошная.
О ком молва – ума палата,
И он порой не понимает,

Иль автор в тайны посвящен,
Иль гений явно сумасшедший,
Играя терминами он,
Мир строит так, что нам не легче

Понять, блестящие идеи
Свершают умственный прорыв
За грань известного, я смею
Сказать, о, чушь, трактат закрыв,

И в ящик долгий книгу кинет.
А через год вернется к чтению,
Увидит ясно в той картине
Глубокий смысл, с недоумением,

Что раньше мог не понимать,
Философ прав на сто процентов,
И фразы выпишет в тетрадь,
Чтоб применять как аргументы

В застольном споре под бокал,
Подать как плод воображенья,
Мол, долго ум свой напрягал,
И не заметить искаженье

Самой основы смысла сути,
Как лишь заимствовал в трактате,
И ум грызет и совесть мутит,
Он выдаст автора ни кстати.

На линии огня

В тылах служу, на линию огня
Забросит если случаем меня,
Я ни за что там надолго не останусь,
В борьбу вступать иль поздно или рано,
Не по душе, признаюсь, не боец.

В пять лет моих не выдержал отец
Семейных ссор, начальства произвол,
Как из семьи, из жизни он ушел,
Его бы нужно посчитать за дезертира:
Осиротил детей, семью пустил по миру,
Но взрослым я задумался над этим.
Не спорю, факт, жена и маленькие дети
Хлебнули горя, кажется, сполна.
Он сам сгубил себя, не подлая война,
А стыд с виной и водкой разогретых
Вершили суд над ним в то роковое лето.
Мне был урок, и я его усвоил,
Но по стопам отца проследовали двое,
Попав на линию огня, не сдюжили удара.

Поговорить, как я старик, с отцом бы старым
О тех далеких днях семейных неурядиц:
Отец, скажи мне честно, бога ради,

Когда ты в петлю влез, вина и стыд терзали?
А дети: Толик, Вова, Юрик, Галья
Не вспомнились тебе с их матерью, женой,
Как четверых поднять, подумал, ей одной?..

И у меня ни раз похожее случалось,
В стыде душа с обидою металась,
Еще чуть-чуть, но помнил твой урок:
Я не взводил, а разряжал курок,
Пусть время вылечит, я думал, мои раны.

И сын мой старший, мне казалось странно,
Что разговаривать со мной не захотел,
Как через тридцать лет в застолье он сидел
Со мною рядом. Мне не интересно,
Что было с вами, сказал, казалось, честно.
Он сына тоже бросил, как и я его оставил,
Поэтому, возможно, и осуждать не вправе.

Извивы мыслей, чувств и правила сложенья
Стихов меня совсем уж в дебри завели,
В душе, как видно, не закончено сражение,
Иль рана старая по-прежнему болит...

Скол скрепы

Душевный скреп ломался понемногу,
Чувствительно, как зуб шатается в десне,
Обиженный и злой, а вместе – недотрога,
Сколоть тот скреп не больно стало мне.

Десна затянется как рана мягкой тканью,
Придется пищу непрожеванной глотать,
Зато и место, где был зуб, болеть не станет,
Так скреп душевный может время залатать.

На шаг назад невольно отшатнешься,
Переступив, опять найдешь ноге опору,
Устойчиво шагать вдвоем едва ли проще,
Идти порознь привыкнешь очень скоро.

Не давит грудь ладонь, влюблено грубо,
Исчезнет спазм, и горло дышит вольно,
И уст твоих не ищут жаждущие губы,
Скол скрепа пал, не оттого ль так больно?

Навязывать предложить

Предложить я могу, навязывать не в праве,
Неверный взгляд да кто-нибудь исправит
На свой манер и вкус, добавив искаженье,
Могу принять, отвергнуть с раздраженьем,
Мол, ваши домыслы с моими не сравнить,
И не найдя согласие, не в праве я судить
И ваши убеждения в моём ли пониманье,
А время как рассудит, так нас оно обманет.

Навязывать не в праве, как поделиться тоже,
Вы сами что найдете, себе на пользу может,
Как и на пользу будет, всё то, что вы даёте,
Фантазию иль сказку, невольно ли солжете,
Но так солжете гладко, что верите уж сами
В героев приключений с горящими глазами,
Мне остается только принять или отвергнуть,
Неразделенность чувства обидное и скверное.

Прощение ошибки

Простить ошибку как исправить
Вред словом, делом, где нанёс,
Не обязательно, но в праве,
Потребность совести. Вопрос:

Получишь прежних отношений,
Вернется мир первоначальный?
Обиды скрытой устрашением
Пробьется в голосе печальном.

А мир в душе теперь другой,
Пусть возмещен ущерб сполна,
И слом заваренный дугой
Горячей плазмы, но стена

Незримо их разъединит
Пока что тонкой гибкой пленкой,
И сменит полюсы магнит:
Грубее муж и злей девчонка.

Так что, прощеньем не исправить
Хороших прежних отношений? —
Сомненье тонкое буравит,
Готовит в будущем крушенье.

Он так же дарит ей букеты,
Нежнее прежних поцелуи,
А сам душой блуждает где-то,
Купаясь в чистых райских струях,

Тех невозможных первозданных,
Как и она, в любви купаясь,
Взгрустнет, всплакнет не к месту странно.
Ты, что, любимая?.. Не знаю...

Снимая к ночи крем салфеткой,
С лица улыбку заодно,
И пьет бездетности таблетку,
Не страсть разжечь – уснуть – вино.

И он как будто взбудоражен,
Ласкает страстно только тело,
И оттолкнет его он сразу,
Как завершит по долгу дело.

Ошибка разве прощена?
Она лишь только затаилась,
Достигнет если камнем дна,
Замутит воды сразу илом.

Всем сердцем искренне простить,
Но так, чтоб сразу позабылось,
Ошибку надо отпустить,

Не дать ей, чтобы затаилась.

Телеграмма

«Вовик, Юра какой месяц
Как молчит: письма не шлёт,
В груди сердце не на месте,
Будто червь нутро сосёт...

Может, он попал в немилость,
Знаешь, у него характер крут,
Душой ждать я истомилась,
Сердце чует – карты лгут...

Напиши ему письмишко,
Может, брату он ответит,
Может, я волнуюсь слишком,
Напасть кличу ему этим...»

Прочитав письмо от мамы,
День до ночи растревожен,
Бью на утро телеграмму:
«Юра, брат, молчать негоже!»

Мне в ответ пришла депеша:
«Брат схоронен как полгода:
В парке ночью был повешен.
ВТК, Томск, замнач Родак...»

Еду к матери я вскоре,
Как сказать ей, намекнуть?..
Мать предчувствовала горе:
«Давит мне несносно грудь...»

Рассудок и чувство

Рассудок против чувства протестует,
И часто с ним он в споре не согласен,
И осознать не хочет истину простую,
К любому чувству он и сам причастен.

Любовь, к примеру, чувство основное,
Холодный ум как будто безразличен,
Но без любви теряет смысл остальное
В избытке что, как знания в наличие.

Рассудок против чувства протестует,
Когда и сам его не в силах объяснить,
Спасет ему ли мудрость голову седую,
С душевным чувством, если резать нить.

Что сам он кормит чувства, не заметит,
Решая трудные мудрейшие задачи,
Что всё пришло, и держится на свете,
От духа в душу, как тут быть иначе.

Разъял на части жизнь он, рассуждая,
А где душа сама, иль пусто, или плоть,
Кровь веществом, и воздухом питаюсь,
А чувства токи в нем нельзя перебороть.

А разве сердце бьется с не любовью,
Не чувство ли и мысль сама в нейронах?
И стал он спорить с мыслию любою,
Чтоб не лишиться царственного трона.

Рассудок видел собственную низость,
Но к чувствам относился с недоверием,
Чем дальше отступал, тем к краху ближе,
Душа войдет и в рай, его не пустят двери.

Не сказка и не быль

Она такая скромница, тихоня, боже мой,
С парнями девки водятся, она идет домой,
И если кто привяжется, грозит, мой муж боксер,
Кто приставать отважится, он на расправу скор.

Вот так вот всех отвадила, нет парня, нет подруг,
Наушник в ухе радио ей самый лучший друг.
И если днем и видели, так шла она в музей,
Иль рядышком родители; в саду среди детей.

С весны до самой осени за городом гостила,
Кто спрашивал, ответит, по-доброму и мило.
Чиста как добродетель, как образец достойный,
Ей доверяют дети, лицом светла, и стройна.

Что с ней с годами стало, ушла ли в монастырь,
С такими так бывало – келья, в руках псалтырь.
Осталась старой девой, детей учила в школе,
Иль угодила в невод любви с печальной долей?

Небыль то и не сказка – каприз пера поэта,
Бесцветная раскраска, без новостей газета.
Вы сами допишите, с себя списав, с подруги,
С соседки с общежития, припомнив на досуге,

Нашелся парень добрый, не загубил девчонку.
Не портить сказку чтобы, я отойду в сторонку.

За гранью чувств

Возненавидеть чувства чувствами другими,
Столкнув их лбами, пусть себя убьют!..

А мне покой и одиночества уют
Достанутся и станут дорогими.

И нет любви, есть тихая влюбленность
В бездонность неба, зелень и снега...
Я царь себе и сам себе слуга,
И в ожиданье смерти, жизнью окрыленный.

Вот птаха серенькими крыльями вспорхнула,
Чирикнула, иль что-то в этом роде:
Ничтожество вы, ваше благородие!..
И ты!.. До скрипа зуб стянули мышцы скулы.

А мне бесчувственное зреньем созерцанье
Довольно бы, забыв значенье языка...
Река шумит, над нею облака
Плывут, и птиц полет – ум этим только занят.

Былого нет – его я лишь продумал,
Здесь, на земле я вечностью объят,
И мыслей молчаливых медленный парад,
Как радуга дугой, семицветная сумма.

И сам как воздух, в нем я растворенный,
И мною дышат рощи и поляны...
Не буйством чувств души я нынче пьяный,
И ни в кого из вас, а просто я влюбленный.

Мне хорошо вот так и жить, и грезить
Без имени за гранью смертной плоти...
И боль физическая в мир опять воротит,
Разрушив сказку острой в сердце резью.

Игра без правил

Правила игры, что женщина навяжет,
Не принимаю я, не понимаю даже.
Как кошка мышкой будто бы играет,
Дозволит то, что вскоре запрещает,

И гонит так, уйти, чтобы не смог,
И удержать найдет такой предлог,
Как будто сам ты захотел остаться,
Желает что, никак не догадаться,

То ластится, то зарычит тигрицей,
А то замрет, на месте не сидится...
Я этих правил толком не пойму,
Игра без логики убийственна уму,

Позывы чувств согласия отрицанье,
И будет ли вторичное свиданья,
Не стоит даже браться полагать,
Забавно, но опасно так играть,

Приходится вслепую делать ход,
К сближенью ли, к разрыву приведет,
Не знаешь, может, тем и интересна
Игра без правил женская любовь,

То смех без удержу, то вскинутая бровь,

Мол, вольность эту я не разрешаю,

И над собой контроль уже теряешь,

И страсть игры кого так одурманил,

Тот разбираться в правилах не станет!..

Полгода

Полгода, о, эти полгода,
Шесть месяцев много ли мало,
Вместятся в роман или оду,
Что было, чего не бывало...

В школе сержантов полгода,
Полгода сплошных строевых,
И кросс, и «война» в непогоду,
Но зато аппетит за двоих...

Полгода служить оставалось,
Как хочется к маме, домой!..
Стоишь в карауле бывало,
С автоматом в мороз чуть живой,

А в мыслях вернешься в поселок,
В парадке на зависть подросткам,
Заходишь с волнением в школу,
И мелом рисуешь на доске

Солдата и танк, и ракету...
И стукнешь прикладом о камень,
Сирена заквакала где-то,
Глаза закрываются сами,

Осталось недолго до смены,
Осталось полгода служить,
Вернусь я домой непременно,
До утра бы только дожить...

Полгода, как я уже дома,
О службе почти что забыл,
Другими делами влекомый,
Пил водку, и девок любил,

С друзьями на танцы, на речку,
Готовился в вуз поступать,
То маме читал на крылечке
Стихи, открывая тетрадь...

Полгода как я стал студентом,
Полгода открытий, веселья,
А утром кимарим на ленте,
Как за полночь вновь засиделись...

Пять лет незаметно мелькнули,
До диплома осталось полгода,
Над чертежом ли конспектом сутулясь,
Игнорируешь буйство погоды.

И там уже лето в разгаре,
И девушки в легкой одежде:
Что паришься дома ты, парень!

Гулять? Нет, учиться мне прежде...

Полгода как раб я завода,
Дым, грохот, планерки, заказы,
Пиши хоть роман или оду,
Что пережил, не расскажешь...

Связка

В пустыню он идет бороться
С душой и мыслями соблазна.
Осядет муть на дне колодца,
Вода, коль в нем ему заразна.

В себя от неуверенности сила
Под корень чувства страсти косит,
Душа чтоб в мыслях не чудила,
Не дать созреть зерну в колосья.

Отказ от благ в темнице вольной
Убьет и вкус, и цвет свободы,
От скудной пищи телу больно,
Душа в дух выгорит за годы.

Зачем такое испытанье
В пустыне ищет раб идеи,
Как создан он для созиданья,
Раскрыться в творчестве не смея,

И страх желаньем соблазниться,
Нашепчет ложную греховность,
Что дух спасает, ему мнится,
Как умертвит в нем жизнь любовно.

Но Бог, которому он служит,
Не даст в пустыне озаренья,
Ему открытый миру нужен,
Как проводник для провиденья.

И если Бог на самом деле
Не есть лишь плод воображенья,
Чем сам владеет, с ним разделит,
Не для страстей уничтоженья,

Но возбуждает точку роста,
Как путь единственный и верный,
Учиться, скажет он, не просто,
Бежать в пустыню, скажет, скверно.

Любить, он скажет, это – верить
В себя, людей, и в целом в жизнь.
Фанатик слеп, не видит двери,
Не в душу смотрит, только ввысь.

Душа и есть тот вход открытый,
Я с каждым рядом в каждый час,
Со всеми ли, один иди ты,
Не разделить навеки нас.

Отчет хороший

А ты пока отчет пиши,
Довольно и страницы,
Год, два иль десять, не спеши,
Сполна чтоб насладиться.

Припомни каждый день былой,
Их в год спрессуй до фразы,
Где порвалось, зашей иглой,
Заплату скроит разум.

Отчет не нужен никому,
Ну, разве только Богу,
Он знает, что вредит уму,
Судить не будет строго.

Пиши, коль хочешь, не пиши,
Отчет давно написан,
И откровенно от души,
Душа – твоя актриса.

Что автор пьесы твой экспромт,
У духа взял он тему,
И обкатал со всех сторон,
А соль подсыпал демон.

Чтоб удалась вполне игра
И жизнь была б не скучной.
Писать отчет тебе пора,
Товар был так чтоб штучный.

Из пальца высоси успех,
Что не было, придумай,
Сквозь слёзы был бы слышен смех
Шута, как злой он и угрюмый.

Пиши, пиши, давай пиши
Отчет ли, повесть, очерк,
И стыд, и гордость задуши,
Пусть меньше будет точек.

Тогда ты дольше проживешь
В трагикомичной сказке,
Где ложь есть правда, правда – ложь,
Не жди ничьей подсказки.

Ты что задумался, притих,
Запутался с отчетом,
Нет подходящих фраз сухих
Век описать в два счета?

Мол, счастья полная сума,
Мол, всем и вся доволен,
Мол, я, видать, сошел с ума —

Врачую раны солью.

Дай погляжу одним глазком,
Как выглядит легенда,
Я понимаю, нелегко
Судьбы монтировалась лента.

Пришлось повсюду вырезать
Испорченные кадры,
Но так, чтоб все-таки понять,
Душа жить была рада.

Ну, написал? Давай отчет,
Его я в топку брошу!..
Горит он ярко, горячо,
Видать, он был хороший.

Школьные годы

С.А. учитель по литературе,
Она казалась злой и строгой,
Но справедливой по натуре,
Её боялись многие, ей богу.

Она редко кому ставила двойки,
А колы превращала в четверки.
На уроке ответишь слабо, не бойко,
Кол, что четыре: хороша увертка.

Линейкой метровой дисциплину
Она держала на своих уроках,
Шумит, болтает, записку кинул,
Бьет по руке, спине, по боку.

Немедленно из класса, Веденеев!..
И вслед за ним уйдет Тазарачев...
И класс притихнет, будто леденеет,
Скукожится, глаза в тетрадки прячет.

С.А. уж в гневе: Полные дебилы!..
Моя бы власть, отчислила лентяев.
И бьет линейкой хлестко со всей силы,
Что в шоке мы, она не замечает.

Усталость ли, расшатанные нервы,
Иль ей не повезло с учениками,
Словесница: богатая на перлы;
Брильянт шлифованный лишь камень.

Увы, я вспомнил это, многие другое,
Покинув классы, может, вспоминают,
Зачем чернить для сердца дорогое,
Строга учительница – мать родная.

Обиды нет: любовь и благодарность
Храню я в сердце к нашим педагогам,
У каждого своя комплиментарность,
Но и плохое помниться, ей богу!

Злыдень

Пред Новым годом.... Радуйся! Чему?
Да праздник ведь. Другим себя займу.
Веселый и шучу я всеми днями кряду.
Ты что, дурак? Вот оскорблять не надо.

Сказала к слову я. Ты просто улыбнись.
Тебе? А почему бы нет. Моя- то жизнь
Скупа на радости, увы, мне не смешно.
Да Новый год и стол с закусками, вино,

Всё к радости..., а ты с утра серьёзен.
Развесели, прошу. Но так меня морозит
Твой постный вид, что хочется послать.
Все веселы, а ты.... Оставь же, бога мать!

Веселый я, от смеха сводит скулы...
Ты, что, больной, от форточки надуло?!
На, выпей водки, может, полегчает.
Спасибо, я потом, пока что выпью чая.

Придут же гости, стыдно. Им я буду рад.
Ты злыдень, даром мне подружки говорят.
И это правда, да, когда-то был веселый.
За тридцать лет твою усвоил школу —

Не то сказал, и тост не тот, и шутки...
Могла пилить от ревности хоть сутки.
Теперь любой мне праздник словно пытка:
Я ссоры жду.... Но сделай хоть попытку

Пред Новым годом прошлое забыть!..
Забыл уже..., я буду просто пить.
Гостей сама, как хочешь, ублажай.
Что в душу сеяла, такой и урожай.

Под Новый год

Курю веселый в закуточке,
Пусть и один, под Новый год.
Мужик с овчаркою идет,
Идет и дама, видно, с дочкой.
А может, всё наоборот?..

Мужик веселый с сигаретой
Сидит на лавочке хмельной,
Устало я иду с ночной...
Петарды рвутся громко где-то.
Да нет, порядок был иной!..

Собачку по двору ведет
В короткой шубке дама рано,
Веселый я с утра и пьяный,
Ждать невтерпеж мне Новый год.
Событий ход и этот странный.

Жена с утра уже хлопочет,
А мне не хочется кровать
Хоть до обеда покидать,
Чтоб пить и есть от пуза ночью.
Не так всё было, хватит лгать!..

Был срочный вызов на работу,
Не стану бриться, так сойдет,
Пинком отброшен в угол кот,
Ругнул в автобусе кого-то...
У вас-то как под Новый год?!

Прародина

Вопросы есть? – спросил учитель.
Прародину на небе покажите
Среди бесчисленных созвездий.
На юго-западе чуть брезжит

Плеяда звезд, вон та, что с краю,
Как будто золотом играет...
А мы с земли четвертой от Светила,
В те времена планет побольше было,

Поток комет стремительно нагрянул,
Ужасные оставил всюду раны!..
Земля соседка, третья голубая
Живой осталась. Горстка пребывает

Из тех туда, кто спасся чудом...
Подробности рассказывать не буду.
Землянам гости виделись богами.
О пребывании своём оставив память,

Мы дом нашли в созвездие Ориона,
Где и живем с тех пор в стране зеленой.
Но почему, учитель, кинули планету,
Блуждая годы долгие по свету,

Прародина видна лишь в телескоп?
От тех мы мест, согласен, далеко,
И хоть прослыть у дикарей богами лестно,
А с ними вместе жить нам было тесно.

Жестокое, воинственное племя,
Между собой дерутся и со всеми,
И мы втянулись в войны поневоле,
Но убоялись с ними схожей долей,

Мы бросились в космический побег.
Без нас свой путь пусть торит человек.
Подробности в учебнике найдете,
И завершим урок на этой ноте.

Стихи о любви

Быт и бытие: описывать скучно.
Откровенность – занятие скверное.
Поэту – лирика. Уму – научное.
В воображение то и другое верно.

Мужчина, женщина – самец и самка.
Фу, как пошло!.. душе – противно.
Любовь и страсти. Комедия, драма.
Поцелуи. Букеты. Вечер интимный.

Вот это лирика, тайна, божественно!
А в лоб: предлагаю жениться. Дурак!
Ему – смелость. Ей – женственность...
Стихи о любви, а в них что-то не так.

Разнотравье. Тени цветущего сада.
На скамейке влюблённые. Красота!..
Лепет вздорных. Признаний тирада.
И настёжь распахнуты к душам врата.

Встречи тайные. Расставания долгие.
Слёзы – в подушку. Кошмарные сны.
Ворчат неустанно родители строгие...
Любовь двух безгрешна: со стороны.

А добавит быт примесь с горчинкой
В чувство влюблённых досадой,
И он «дорогая» ей скажет с заминкой.
Обнимет. Она отстранится: не надо!..

Она «дорогой» говорит таким тоном,
Как ветер холодный подует...
Сердца остывают влюбленных.
Спасет ли порыв поцелуя?..

На садовом крылечке

Мне бы домик у речки, у озера,
Пусть сюда забредет редкий гость,
По утрам молока кружку козьего,
И малины на блюдечке горсть.

Карасей на уху пару-тройку,
Рис, картошка и зелень щепотку,
Протоплю на ночь печь и на койку.
Тишина ..., волны бьются об лодку.

Гавкнет пес за порогом лениво,
Кот за печкой мышей сторожит...
Ну, теперь ты, надеюсь, счастливый,
Тишиной и свободой сыт?..

Что мечтать и напрасно, впустую,
Не иметь мне свой домик у речки,
Пусть я спорю с судьбой, протестую,
Всё курю на садовом крылечке.

Зелень всюду, теплица и грядки,
Тишину нарушает пчела...
Хорошо на душе, всё в порядке,
И такая судьба мне мила.

Возможная книга

Позвольте в книгу мне взглянуть,
А тот ли я проложил путь,
И тот, что выбрал поворот,
Мне интересно, совпадет

С тем, что давался изначально,
Судьба сложилась ли случайно,
Иль сила некая вела,
За те ли брался я дела,

Хотелось мне теперь сравнить.
Позвольте книгу приоткрыть,
На той ли, этой ли странице,
На самом деле или мнится,

Что жизнь и впрямь не удалась,
По воле сам, чужая ль власть
Вела по жизненным дорогам,
Я сын иль пасынок у Бога,

Позвольте в книгу заглянуть.
Мне, отчего щемит так грудь,
Где я ошибся ненароком,
И почему мне одиноко,

Я в чем-то будто виноват,
Самокритичный губит яд
За что, хотелось бы узнать.
Позвольте книгу полистать,

Хотя бы в час перед закатом.
Храните записи вы свято,
По смерти чтобы предъявить,
Когда обрежете мне нить,

Что между телом и душой?
Пока я здесь, пока живой,
Мне книга жизненно важна,
К чему за гробом мне она?

«Эта книга всегда пред тобою,
Но читать её, право, не стоит,
Поражает она содержанием,
Для ума непреложные знания

Не помогут, скорей навредят,
Вредоносен целительный яд,
Если принять излишнюю дозу,
От тебя мы отводим угрозу,

Эту книгу надежно сокрыв,
Но похвален душевный порыв,
Заглянуть в содержание книги,

Как наступят духовные сдвиги,

Так и снимем мы с книги завес,
А пока что Божественный перст
Все шаги твои сплошь помещает
В эту книгу и с планом сличает.

До поры прочитать невозможно,
Пусть пока она видится ложно»

На переходе

Земляк, какой по очереди? Сотый.
Сто первым буду. Ждешь кого-то?
Судьбу пока что ангел не принес...
Я краем уха слышал, старый БОСТ

На этот срок для нас переработан,
Да так, что в ад слетишь в два счета,
Иль за грехи сошлют в Тмутаракань.
И без того боюсь..., прошу, отстань!

О, чаша тяжела кармического долга?
Тебе-то что... узнаю, ждать недолго.
И верно, очередь короче вполровину.
Пол выбрал?.. Женщина, мужчина?..

Мне всё равно, лишь ангел бы успел
Судьбу определить, я почитать хотел,
Еще пока и здесь, и в очереди маюсь.
Что ждет там впереди?.. Я понимаю.

Какого черта лезешь, черномазый!?!
Из тела вон – и воплощаться сразу?
Иди в чистилище, туда тебе дорога.
Ты черта помянул?.. Не я, ей богу!..

Ах, милый лжец, оставь ты тары-бары,
А ну, за мной, и к лифту в тартарары...
А где же сотый?.. Черт его забрал.
И поделом, суду, представь, солгал,

Еврей душой, назвался он Петровым.
Мол, искупить грехи свои готовый,
Мол, осознал, и вымолил прощение.
Сто первый? Да. Судьба его ничейна.

Возьмешь? Свою бы мне. Похвально.
Как мне идти, смотрел я специально
Досье – ты грешен, но не до предела.
Иди, верши судьбу начатую, и смело.

Я провожу. До встречи, дух. Пока!..
Толкнул вперед и дал под зад пинка.

Невозможное откровение

А я пришла так робко, как и смело:
Конспект на вечер нужен позарез...
На самом деле познакомиться хотела,
Божилась после в шутку: Вот те крест!
Мол, ничего, поверьте, изначально
Не думала ..., поспорила с подругой,
Мол, я сниму любого парня идеально,
А отдалась, так вышло, с перепугу.

И за версту тогда он выглядел наивно,
Достаточно лишь пальцем поманить...
Влюбилась я и, думала, взаимно,
А он бежать, что делать мне? Женьть!
Обидно унижительно – бросает!..
Испортил девку, прет вовсю живот,
Кому нужна – брюхатая такая,
Жизнь отравлю, коль в ЗАГС не поведет.

Ну вот – жена и мальчик подрастает,
А мне всё хочется с ребятами гулять.
А он: вари, стирай, гулять не отпускаю,
Забудь друзей, супруга, ты же мать.
Терпела год и два, на третий изменила,
А он мне в глаз за ласку, за любовь!..

Его я прогнала и больше непустила.
Я гордостью сильна, одна я проживу!..

И вскорости влюбилась в скалолаза,
И бредила уж счастьем наяву,
А он жениться и не думает, зараза.
Потом – другой, и третий, и десятый,
Всех привечала, дура, выпивох,
Придет который с вечера помятый,
К кому немилосердный нынче Бог.
Другой ласкает, будто с голодухи,

Сбежит, как я скажу: давай женись!
И обо мне пошли дурные слухи,
Я добрая душой – дурная жизнь.
А первый, тот, супруг законный,
Ходил ко мне, а говорил, что к сыну.
Внушала сыну: дядя посторонний,
Плохой, как уходил, бросала в спину.

И жизнь прошла – я видела немало,
Жалеть, о чем, так вышло, боже мой!..
Мужчины сволочи, и мне от них досталось.
Старик, ты спишь? А ну, пошли домой!..

Книга

В следующей жизни бумажная книга
останется только в музеях,
Библиотеку держать в современной
квартире не модная нынче идея,
На полке иметь электронную книгу
в объеме один гигабайт
Компактно вполне, и даже престижно,
всю жизнь её только читай,

А я по старинке бумажную книгу
со школьной поры обожаю,
Пять тысяч томов не прочесть и за век,
но к чтению они побуждают,
И по привычке на сон свой грядущий
полвека читаю с охотой
Тютчева, Блока, Толстого, Шмелева,
из современных кого-то,

Книжные полки вдоль стен к потолку
в комнате всюду по кругу,
Я не скучаю в компании книг,
найду себе верного друга,
Тынянов и Гранин, Шукшин, Полевой,
Лермонтов, Пушкин конечно,

Жадность и жажда на книгу во мне,
признаться мне хочется честно,

Пусть не прочту и десятую часть
собранных книжек за годы,
Пусть на бумажную книгу, увы,
проходит со временем мода,
Я счастлив, что книга сопровождает мне
с детства до самой кончины,
Потрепанный томик милее вдвойне,
на диск не сменю без причины.

Ночной каприз

Душа моя чего-то хочет,
Ты дай мне то, чего хочу.
Рассвет хочу я среди ночи.
Ты шутишь? Нет, я не шучу.

Рассвет часа через четыре,
Желать не надо, сам придет,
Всегда так было в этом мире.
И что?.. А я хочу наоборот,

Не ждать его, и долго очень,
Как я хочу, чтоб Солнце встало,
Хочу рассвет я прямо ночью.
Нельзя никак, пойми же, Гала.

Дурак! Я – женщина, и значит,
Моё желание – закон!..
Хочу рассвет, а то иначе
Скажу тебе: Иди-ка вон!

Рассвет ничей, и глупо, Галка,
Хотеть того, чего нельзя.
Соврал бы, что ли, елки-палки,
Одно заладил, мол, нельзя.

Рассвет, я, что, не понимаю,
Наступит завтра, как проснусь.
Меня ты любишь, сомневаюсь,
Рассвет хочу, и будет пусть!..

Рассвет, люблю, где связь, Галина,
Признаюсь, честно, невдомек.
Мечтала я, ну, ты, дубина,
Наврать в три короба не мог.

Дарю рассвет, мол, дорогая,
За ночь с тобой я всё отдам,
Душа в любви моя сгорает...
А дальше выдумай уж сам.

Рассвет дарю, коль ты так хочешь,
И звезды складывай в карман...
Ты что, Галина, так хохочешь?..
Ты пьян, любимый. Я не пьян.

А если пьян, то от желанья
Тебя безумно целовать!..
Нет, нет, нельзя и... до свиданья,
Рассвет встанет, иди-ка спать.

Заморозок

Вот первый заморозок. Зелень
Покрыта инеем, надеясь
С восходом солнца обогреться.
Вползает муха еле-еле

В щель ждать весны. И ветер веет
Дыханьем стужи. Приодеться
Теплей, пора достать наружу
Шарфы, перчатки, шапки, шубы.

Льдом тут и там белеют лужи,
И карк вороний хриплый, грубый.
До самых лап в комбинезоне,
Собачка тянет поводок,

Вдыхает запах посторонний,
Убитый холодом цветок.
Хозяйка в курточке, кукожась,
На пальцы дует обогреть,

Ей первый заморозок тоже
Не в радость, дома бы сидеть.
Спешат невольно до подъезда,
Продрогнув, спрятаться в тепло.

На осень теплую надежду
С холодным ветром унесло.

За спиною шепот

Да у меня, на зависть многим,
В гостях не раз бывали боги,
Смотрели скромно из-за плеч,
Что ем невкусно, где прилечь

Мне доведется на ночь мертво,
Совет держать ходили к черту,
Мол, ты умнейший подлый гад,
Его в ученья взял бы в ад,

А то он дышит, будто счастьем,
Смог превозмочь беду отчасти...
Нет, черт ответил, он не мой,
Ему наверх лететь – домой,

Хоть вам видней с небес, вы боги,
Пусть он ничтожный и убогий,
Ответ держать ему пред вами...
А я был занят в мелодраме,

Спор тьмы и света пропустил,
В ушах другие голоса,
Как будто подлая оса
Грозит пронзить мне сердце жалом,

Мол, миг тебе дышать осталось,
И плачь сквозь смех, и смех сквозь слёзы
Считай за счастье, яда доза,
Что мою скоплена, твоя!..

До смеха страшно мне, и я
Волчком кручусь и, боже мой,
Таится кто там за спиной
Все эти годы, насмехаясь?

Сейчас, сейчас я вас узнаю,
Но... там нашел я полку книг,
Меж ними зеркало: старик
Седой совсем, и бьет поклоны,

Нет, нет, не я, а лишь икона
Святого старца... чур, меня
От чар ночных, дождусь я дня...
И снова, чувствую, стоят
Они, те гости, но назад

Боюсь теперь оборотиться,
Так, в самом деле, или снится?!..

Разъяснение

В тебе ценность лишь одна —
Твоя жизнь, и то она
Мне достанется задаром,
Плоть земная как огарок,

Догорит углями в прах,
И любовь, и стыд, и страх
Дымом сизым растворится,
И душа свободной птицей

Вдаль умчится в тот же миг,
И её прощальный крик
Тишиной падет на твердь.
Ну, айда, сказала Смерть.

Дыханье осени

Осеннее утро росой холодной
В траве в переливах алмазное,
Краски добавила к зелени модные
Яркое Солнце нежаркое праздное,

Выткала Лету прощанья дорогу
Стаями к югу под куполом синим.
Копится Осень во всём понемногу:
В зелени золотом, в росах же инеем.

Как Солнце в зените, надеется Лето
Еще возвратиться с любовью горячей
И в гомоне птичьем, и в пестрых букетах,
Но Осень следы увяданья не прячет,

И храбро желтеет еще одуванчик,
Бутон георгина раскрыт запоздалый,
Ромашка, извечно влюбленных обманщик,
По склонам синее повсюду немало.

И музыка Осени громче в высотах
Дождями, туманами, стаями птиц,
И листья деревьев желтеют по нотам,
С печалью и радостью падая ниц...

Осеннее утро росой искристое,
Словно влюбленное в Лето неистово!..

Срез следа мысли

Хоть маленькую толику душевных удалось
Мне вымести болячек невидимую горсть,
И этого достаточно, чтоб груз свалился с плеч,
Не суетиться попусту, хотелось мне прилечь,

А то и беспокойство в ногах толчками нервно
Усилилось до боли лет на сто так примерно:
«Закрой глаза для бега, и прямо к горизонту,
Нащупай слепок цели мечтательности контур,

Где счастье женской грудью напоит до отвала,
Ты жил, страдал, голубчик, но бесконечно мало»
Надеюсь, расшифрует читатель мой случайный,
Что я ему поведал нарезкой строк отчаянно.

Пусть это буря будто души нерукотворной,
Или ума дыханье души глубин тлетворных,
Щепотку пыли мудрой собрал я по сусекам,
Что от ума разврата быть мнилось человеком.

Две биографии

Одна есть подлинник, где факты неизменны,
Другая – вымысел, редакция, подмена;
Одна – экспромт, ошибок, где немало,
Другая набело старательно писалась.

Любой готов себя невольно убедить,
Что биографию полезно обелить,
За что постыдно, спрятать понадежней,
Нещадно вымарать места такие можно,

Добавить то, что не было в помине,
И биография достойная отныне.

Лицом к лицу

Дух за мной наблюдает,
А я наблюдаю за ним.
Наперед, что случится, он знает,
Заслоняет мне будущность дым.

Видит дух меня насквозь до дна,
Я могу его лишь представлять.
Ему власть надо мною дана,
Ему – вечность, а мне умирать.

Исчезает тогда раздвоенье,
Как безличный я с духом сольюсь.
Дата смерти есть дата рожденья.
В ожиданьях своих ошибусь.

Дух – понятие, выдумка слово?
Я не знаю, но верю, он – есть,
И ответ не найду я готовый,
Пока в теле при жизни и здесь.

Если нет его, выдумать стоит,
Чтоб спокойно в свой час умирать.
Дух однажды в себе я открою,
Как он станет себя открывать.

Дети спасительный круг

Да будет так, как тайно не желаю,
Что говорю за чувствами и ложно,
Открыт душою будто осторожно,
Войти туда не каждый и решится,
Чего страшусь, к тому и призываю,
Несчастьем мне доводится учиться.

Как лучшее показывать привычно,
Так глупо выворачивать изнанку,
С улыбкой добродушие приманка,
Хочу понравиться я вам, не говорю,
Пусть муторно, а выкрикну: Отлично!
Вас бодростью завидной одарю...

Где наскрести себе такую бодрость,
Чтоб щедро раздавать её вокруг?..
Не зная сам того, тепло приносит внук,
Чумазый, мокрый лезет на коленки,
И взрослые к душе взломает коды,
Цветные в сером высветит оттенки.

И не зови!

В тайгу зовешь орешничать, рыбачить?..
Но там мошка и волки, и медведи...
Спасибо, нет, я лучше уж на дачу,
Там тишина, покой и добрые соседи.

Ну, да, я знаю, можно колотушкой
И по стволу – гребни мешками шишку,
Потом размять, просеять на вертушке
И вся недолга – знаю не по книжкам.

Легко от берега до берега в протоку
Поставить сеть на сутки или двое,
И вся романтика, и рыбнадзор по боку,
Рыбачил сам, секрета не открою...

И у костра на лапнике ночевка,
И под уху стаканчик самогонки!..
Как ты меня поддел, товарищ, ловко,
И душу растравил довольно тонко!..

Нет, нет, прости, туда я ни нагой,
Сохатый ваш, и стерлядь, и грибочки,
Уж лучше стопочку в семье и на покой,
В тайгу уж без меня, сказал и – точка!

За миг удержаться

От личного опыта шире и выше,
И голос серебряных нитей услышу,
Увижу, что я не комочек ничтожный,
Если за круг заступлю осторожно...

Вне тела и радость, и жуть поначалу,
Гораздо богаче любых сновидений,
Не солнце, а ярче, мне путь освещало,
Преград никаких, не ложатся и тени.

Я есть, но себя не коснуться рукою,
И пить, не напиться, и некуда падать,
И быть, и не быть, загореться звездой,
И морем, и небом, раскинуться садом.

Как дым и вода, не имеющих формы,
Так я неустойчив, но вечен движеньем,
Всюду и здесь находиться мне норма,
Силою мысли мгновенно сближенье.

Вне времени, вижу, что было, что будет,
От личности каждой во мне достижения,
Дышу я любовью, не воздухом, грудью,
Свободною волей я сам провиденье...

За миг как шагнуть мне осталось из круга,
Мой разум готов разорваться на части,
Он сжался в комочек пружины испуга,
За миг как шагнуть в неизбежное счастье.

Исправить мир

За красоту твою ли за душевность,
Или моя душа нуждается в любви,
Отчет не отдавая совершенно,
Что ждет нас неизбежно впереди,
Я предлагаю выйти тебе замуж,
Даешь согласие ты, и мелодрама
Как бы сама напишется судьбой.

Как в сказке начинается прекрасно,
Довольные, влюбленные с тобой,
Мы бредим счастьем и... напрасно:
На белой скатерти уж первая пометка,
Потом еще, еще и – грязное пятно:
В душе ты недовольная подарком,
Хочу хоккей смотреть, а ты – кино,
Я бросил взгляд на девушку невольно,
Ты не могла простить мне много дней,
Альбом отобрала зачем-то школьный,
С обидой бросила: Смотреть его не смей!

Уж скатерть серая, ничем не отстираешь,
Но невозможно заменить её другой...
И мир иллюзии, на части распадаясь,
Где чаще, чаще ссоримся с тобой.

Да знала бы, какой ты есть мужчина,
А ты хозяйка..., в общем, никакая,
И вот уже мы спим спина о спину,
И что любовь покинет, нас не испугает.

На этом месте нажимаю кнопку «стоп»,
Еще два кадра, станет очень поздно,
Меж нами черт завелся или клоп,
И наше поведение одиозно.
Давай изменим мир наоборот,
Спасенье есть взаимное прощенье,
Всё ерунда, любовь пока живет,
Пока есть бескорыстное влечение.

Обманщица надежда

Надежда нас обманывает ловко,
Болтается пред носом как морковка.
Тянусь рукой, чуть-чуть еще и хватъ
Пустое место!.. Дразница опять,

О чем мечтаю, тем оборотится.
С надеждой ждешь опять успеха,
А чуть шагнул, спорхнула птицей,
Иль лопнет как пузырь от смеха.

Надежда ловкая обманщица, я знаю,
Но как дурак, я верю и мечтаю,
Ну, завтра, через месяц, через год
Удача все равно ж ко мне придет!..
И год, и два, и десять пролетело,
Она меня кидает то и дело,
Что я привык и, правда, к неудаче,
Не дам опять себя я одурачить!..
Успех пришел, похлопал по плечу.
Отстань, надежда, видеть не хочу!

Островитянин

По метрикам рожден на Сахалине,
В поселке Горки, что лежит в долине,
Где речек тьма, тайгой покрыты горы,
В трехстах верстах по бездорожью город.

Дальневосточник, да, островитянин,
И в те края меня порою сильно тянет,
Трехлеткой пусть свезли на Материк,
И по рассказам мамы, вычитал из книг,

Как будто лично помню, в самом деле,
Поселок, сопки, море, жуткие метели.
С тех пор минуло больше чем полвека,
Не соберусь никак на Родину поехать,

Хоть пару дней на остров, как в былое,
Душой под старость, может, успокоюсь.
По существу, чужой мне край далекий,
Но и судьбы начало всех путей истоки.

Эпитафия

Ты думаешь, сбежал,
покинув плоть земную,
Забвеньем ветер след
оставленный задует?

Да, верно, под землей
лежат, конечно, кости,
Ни друг, ни враг сюда
давно не ходит в гости,

Ни скорби, ни проклятий
и над твоей могилой.
Но знай, душа сама
себя весь век судила,

И сбросив имя, память
и личности остаток,
Спешит на землю вновь,
где ждет её расплата.

Из тела ты сбежал,
ошибки прихватив,
Пусть плоть твоя мертва,
а все-таки ты жив!

Проблема третьей планеты

Да, есть в Галактике светило
В одной из веток на окраине,
В планете третьей поселилось
Людское племя – ужас, тайна.

С собой века они враждуют,
Что океаны – кровь и слёзы,
Учить их в мире жить впусую,
Они Вселенной всей угроза.

В дитя внедрили мы когда-то
Высокий Дух с условным кодом
«Иисус Христос», он был распятый
За поученье тем народам.

Не проща ль выжечь ту коросту
Лучом божественного гнева,
Иль затопить водою просто,
Родит существ получше Ева.

Люцифер, вечно радикально
Готов решать ты все задачи,
Земля – планета уникальна,
Поступим с нею мы иначе.

В геном внедрим мы код особый,
Чтоб люди вымерли за век,
На землю вышлем биоробот —
Нам подконтрольный человек.

Ученый Дух, так не годится,
Уверен, Бог нас не поймет.
В руках удерживать синицу,
Иль журавля следить полет,

Что лучше? Именно свобода!
А человек лишь ею дышит,
Пусть эгоист, капризный, шкода,
Разрешено законом свыше.

Людей не раз мы изводили
Огнем, болезнями, водой,
И за грехи не раз простили,
Им вреден только лишь покой.

В Саду Адам лентяй беспечный,
Душа его там без движенья,
Хоть божья тварь, дурак навечно
Без боли, страсти, без лишений.

Так что же делать? Пусть воюют?
Пусть угрожают мир разрушить?
Попытку, дай мне, Бог, вторую,

Спускаюсь я к ним, спасу их души!

С юбилеем, отец!

Четверг. Июль. Семнадцатое. День.
Обычный день, и всё же необычный.
Из прошлого не свет – приходит тень
Отца – не может он явиться лично.

И тень сгущается до плотности телесной:
Как в жизни предо мной отец живой!..
И страшно чуть, и радостно мне, честно,
Старик за восемьдесят лет, а молодой.

С рукопожатием скажу я: с юбилеем!
Пусть встреча эта лишь воображенье,
Прошу к столу, добавлю посмелее,
Душой к душе осталось притяженье.

И глухо чокнулись, и выпили, молчанье
Красноречивее любых порою здравниц,
Мне о себе поведать хочется отчаянно,
И упрекнуть, что сделать я не вправе...

А он молчит, и смотрит, и внимает,
И я молчу тогда, как хочется сказать,
Без слов меня он словно понимает,
И я учусь молчанье понимать...

Проходит час, минута иль мгновенье,
Настала ночь, что, впрочем, не заметил,
Я за столом один, напротив и ни тени,
Кого хотел, забыл я, нынче встретить.

А он молчит, и смотрит, и внимает,
И я молчу тогда, как хочется сказать,
Без слов меня он словно понимает,
И я учусь молчанье понимать...

Дозорный

И ключья серых облаков движенье
Накроет город куполом узорным,
Дымов вдали неведомых сражение,
Где я никем не ставленный дозорный,

За тем, как ветер травы пригибает,
Пытаясь, листья с веток оборвать,
Важна мне смена мелочи любая,
Чтобы уход времен не прозевать.

Как серое на синь меняется, замечу,
Как солнца луч родит собою тень,
Как купол голубой глубокий вечен,
Как нарождается и гаснет снова день.

Дозорный я с рождения навеки,
Запомню томное дыхание ночей,
Любовь как возникает в человеке,
Как в реку превращается ручей.

Где ключья серых облаков движенье
Накроет город куполом узорным,
И где дымы неведомых сражений,
Там я никем не ставленный дозорный.

Прочерк на бронзе

Автобиографии кто написал страницу
Юным, и стариком в неё же уложится.
Как лаконичен бронзовый квадратик,
Для имени и даты точно место хватит,
Но для судьбы достаточен и прочерк.
Так воображение питает многоточие,
Смолчал, о чем, другие, жди, добавят,
В судьбе, что было, не было, исправят.
Автобиографию кто уложил в страницу,
Пропасть из памяти людей тот не боится.

Старатель

Говорят, на юг Сибири
Люди едут мыть песок.
А пока ты парень в силе,
Вань, поехать ты бы смог?

Зазывал в артель рабочих
Наш купец, готов рискнуть.
Мы живем уж бедно очень,
Но опасный длинный путь.

Там, на речке, на Амыле,
Говорят, в тайге глухой,
Золотишко люди мыли,
И с богатством шли домой.

Ладно, батя, я готовый
Постараюсь для семьи.
Воротиться, дай нам слово,
Нужда давит, нас пойми.

Верхом, пешком, в телеге
Продвигались на восток,
Степи, горы, топи, реки...
Пропадем, спаси нас Бог!..

Добрались – проходит месяц,
Край земли, медвежий край.
«Будем хату ставить здесь!
Инструмент-ка разбирай!»

Рядом горная речушка,
Сосны, пихты и кедрач.
Бревна тащит на горбушке,
Наш Иван, ого, силач!..

Вот и стал Иван старатель,
Ему латок, лопата и кайло —
Жена и батя, и приятель;
И гнус сосал, и солнце жгло.

Мечтал, найти бы самородок,
Иль россыпь горстью загребать.
Зима и лето – мчались годы...
До нитки спустит всё опять,

Как в кабаке фарта найдет,
Забудет, что его заждались,
Что обещал он наперед,
И пьет потом уж от печали.

Но девку всё-таки сосватал,
Из местных, сущая дикарка,
Он бросил пить, поставил хату,

И баньку топит очень жарко.

Год-два – родит ему сына,
Еще годочек – девка в доме.
Пусть и крепка еще рука,
Но кашель бьет и кости ломит.

В семь лет сгорел Иван и помер,
Детей – две девки, три сына,
Кормильца нет – и горе в доме.
Песком златым полна река...

Глупое счастье

Вот оно, глупое счастье —
Безлюдное лето полей.
Прыг-скок по траве воробей,
Клюнул, чирикнул – Ну, здрасте!

Тварь божия, птичка, привет!
Ему до меня нет и дела,
У него есть дела поважней,
В клюве с жучком улетел он,

В гнездо корм понес воробей.
А я здесь остался со счастьем
Средь зелени тихих полей,
Моё – в созерцанье участие

Уход безвозвратности дней.
А нынче ни облачка в небе,
Прохладой течет ветерок,
На годы забыться так мне бы,
Испив глупого счастья глоток.

Хвала болезни

Болезнь – это отклонение от нормы,
Следствие неправильного поведения,
Искаженье особо идеальной формы,
С разумным правилом несовпадение.

Эталон будто есть у природы особый,
Независимый он, божественной сути;
Он анализ, оценка, сравнение, проба;
Инструкция, указатель на перепутье.

Но болезнь – это творчества сила,
Вдохновительный стимул некий,
Чтоб от спячки душа пробудилась,
Дух чтоб креп от борьбы в человеке.

Болезнь – айсберг, теченьем влекомый,
Физический недуг в сравненье ничтожен;
Пусть изящен фасад у телесного дома,
Душу, фундамент, болезнями гложет.

А внутри боль под замками запретов,
Стыд и срам отражен в зеркалах,
В добродетель там страх разодетый,
И злоба во взгляде, и лесть на устах.

Эти болезни – душевного рода
Тщательно скрыты, носить тяжело.
Золотоносная для поэтов порода,
Они вдохновитель, а вовсе не зло.

Гений – болезнь, отход от нормы,
Братья ему – идиот и юродивый.
И стих сам особенно вздорный,
А начинался умно он, вроде бы.

Похвала болезни?.. Умалишенный!
Болезнь – это нечто позитивно плохое?..
Взирает святой так печально с иконы,
Боль себе заберет, чтоб нас успокоить.

В такую погоду

В такую погоду, после дождя
Бежать на рыбалку мне хочется
К любимому месту с обрывом,
Где тальниковая рощица.

Если с зарёю закинуть крючок
С наживкой, «на кузнеца»,
Бывает, и хариус клюнет,
Поймаешь уж точно ельца.

А на червя дождевого с охотой
Клюёт и пескарь, и плотва,
Так окунь идет на «малявку»,
Подсечь успеваешь едва.

Если заранее рыб прикормить,
Годятся и хлебные корки.
Если «корчагу» поставить на ночь,
Поймать можно рыбы ведерко.

В такую погоду, после дождя
Воздух, пропитанный детством,
Запахом память в тот час оживит,
Куда от бывшего тут деться.

Вытрясла мама с крыльца половик,
Пьют воду из лужицы куры,
Кот на охоту шмыгнул в огород,
Собака на цепи излаяла сдуру.

Влез на чердак покормить голубей,
Там полумрак и прохлада...
В такую погоду, после дождя
Вспоминать своё детство отрада.

Я бы любил

Я бы любил её верно до гроба,
Если б любила она безусловно,
Если обид не скопили бы оба,
Прощать сохранили готовность,
Я бы любил её верно до гроба.

Если да кабы, пустой разговор,
Здесь глупо искать виноватых,
С нею живу, если я до сих пор,
Люблю, значит, видимо, свято,
Если да кабы, пустой разговор.

Сколько за годы воды утекло,
Ссорились вплоть до развода,
А от любви сохранилось тепло,
Пусть так себе в доме погода,
Сколько за годы воды утекло.

Взрослые дети имеют детей,
У них, как у нас – неурядицы,
Им жизнь бы понять поскорей:
Плохое – в хорошее рядится,
Взрослые дети имеют детей.

Я бы любил ее свято и просто,
Меня если также любила она,
Если язык затупился бы острый,
Если бы душу не выжгла вина,
Я бы любил её свято и просто.

Негромкая тишина

Мне нравится с редким негромким звуком тишина,
И пусть с журчаньем ручейка и с пеньем птиц она,
С далеким громом, эхом, с ветерком прохладным,
С грозой короткой с ливнем в молниях, и ладно,

И снова солнце, пенье птиц и в чаще рёв звериный,
Пусть тишина негромкая как сутки будет длинной,
Пусть редкий и желанный гость нарушит тишину,
И воробьи за червяка в траве устроят пусть войну,

Кукушка в роще пусть кукует и трещит в лесу сорока.
Мне нравится такая тишина, мне с ней не одиноко.

Последнее пристанище

Домик над речкой у кромки лесной.
Живу я здесь летом, живу и зимой.
Рыбачу, охочусь. Есть сад, огород.
И кошка с собакой, а утром поёт

Горластый петух. Есть коза-дереза.
В красном углу под стеклом образа.
От пола до верха две книжные полки,
Русская печка, на стенке двустволка.

Грубая мебель. Транзистор. Фонарь.
Живу как работник себе и как царь.
Встаю поутру, как петух пропоет,
Полвека, полжизни, который уж год.

Как в тапки от валенок ноги обуя,
С кошкой, собакой, козой потолкую,
Печь затоплю и поставлю горшок.
С иконы глядит с осуждением Бог:

Не ищешь в молитве затворник спасенья,
Моё ты душой не приемлешь ученье,
И медного крестика нет на груди,
Писанье святых не читаешь, поди,

Не бьешь горячо и смиренно поклоны,
Можешь и день не взглянуть на иконы.
Господь, прости, не монах я, ей богу!
Молитвы в трудах моих разве помогут,

Хочу я помыслить один в тишине,
Потребно побыть в одиночестве мне,
И труд отвлекает от горестных чувств,
Держать на запоре не надо мне уст.

Звери и птицы друзья мои нынче,
Никто не ругает, никто и не тычет,
Живу как в раю среди зелени дикой.
Вместо молитвы помыслю над книгой.

Я и без крестика верю, Всевышний,
Бить же поклоны, считаю, излишне.
Господь с иконы глядит, улыбаясь:
Заранее помысли все твои знаю,

Сын мой, подверг я тебя испытанью,
Я верю в тебя, ученик. До свиданья!

Смешливая

Смеялась лишь, когда я провожал,
Со смехом же сказала мне однажды:
«Люблю другого я, не ожидал?..» —
И смех прервать не захотела даже.

Уехал в город, ровно через год
Жену привез знакомиться с родными,
Узнал, где та смеющаяся живет,
Она лишь рассмеялась от гордыни.

Прошло три года, снова холостой,
Смешливую встречаю я случайно,
Она с улыбкой махнула мне рукой,
Не говорит, смеется лишь отчаянно.

И тридцать лет уж кануло в лета,
В поселок я наведываюсь снова,
Хоть улыбается, совсем она не та,
Которая смеяться будь здорова!

Читателям

Спасибо вам за веру и терпенье,
Стихами будут те произведения,
Которые вам на душу ложатся,
Все прочие ни к черту не годятся,
Так автору вы шлёте вдохновение.

Но все же автор пишет – не гадает,
Его как слово в сердце отзовется,
Он сам с собой мечтает и страдает,
То плачет без причины, то смеется,
Живет в стихах, и все-таки играет!

Спасибо вам за то, что есть на свете
Один из многих преданный поэту,
И песенка его до той поры не спета,
Стихи читаются посредством эти,
Прочли хоть раз – хорошая примета!

Точки на карте

Циркуль дуги, не круги рисует,
В Красноярске вонзилась игла.
Под хмельком сам собою красуюсь,
Увеличу в масштабах дела.

Замеряя с востока на запад
Путь, зигзагом он будет длинней,
Все нарезки, разрывы, этапы,
Всех событий мельканье и дней.

И не дуги, а пики метаний,
Между – между, туда и сюда,
Пустоцвет суеты вычитая,
Сплошняком не найдется следа.

Карта плоская, щупай не щупай,
Ни вершин, ни провалов, ни зги,
Самого не рассмотришь под лупой
Средь полей, островов и тайги.

Я-то знаю, кто там обитает:
И пацан, и студент, и солдат;
Там весна и пора золотая;
Под крестами родители спят.

Чертит циркуль прерывисто, косо,
Север, юг, и на запад, восток,
Оставляет он точками россыпь
Моей памяти сладостный сок.

Карта только цветная бумага,
Не ищи, путь судьбы не найдешь,
Память, словно бездомный бродяга,
Там уютно и дом, куда вхож.

Много точек и много отметин,
Сахалин, Красноярск, Виттенберг,
И места незабытые эти,
Циркуль, где замедляет свой бег.

Убегая, остаюсь

Домой бегу к делам, но не к супруге,
Всегда заняться есть чем на досуге.
Когда бы мог работать не за деньги,
Уединенно жил себе бы помаленьку.

Уютный домик с садом – огородом,
Где надо из колодца черпать воду;
Собачка, кошка, куры, голуби, коза...
Порой закрою так мечтательно глаза,

И вижу край среди садов цветущих,
Что не дано пока, захочется мне пуще
По выходным бежать с утра на дачу,
К тому ж супруга уклоняется тем паче.

А вечером стихи пишу, читаю книжки,
Иль думаю, что нелюдимый слишком,
Когда в покой стремлюсь уединенья,
Не шум и суету – душа другое ценит.

А вот гостям я рад, когда они порою
Нахлынут в дом незванные гурьбою,
В тот час язык безумолчно беспечен.
И все-таки пусть будут реже встречи,

Вторжениям так я быстро утомляюсь.
Противоречиям душевным удивляясь,
Спрошу о том её в тиши уединенья,
Свободный я и в тоже время пленник

Каких-то мыслей скрытых и глубоких,
Один – грущу, с людьми же одинокий,
И прячу боль под маской ироничной.
На чем основано желанья двоичность,

Не в силах ум рассудком докопаться,
Так стоит ли мне все-таки стараться,
Когда бегу с работы вечером домой,
Как ни хитри, а встретиться с женой!

Люблю даром

Луну?.. Не знала, что она тебе принадлежит,
К тому ж луна так далеко, как взять её, скажи.
Иносказательно?.. Ах, ты на подарки щедрый,

Алмазы, золото, кристалл... опустошаешь недра.
Прости, мой милый друг, я не возьму подарок,
Любовь – не продаю, а коль люблю, то даром.

Спасая семью

1.

А он женился по любви,
Но мать его так не считала,
И с первых дней начав опалу,
Невестку принялась гнобить

Упреком злым несправедливым,
Мол, охмурила сына баба,
Коль поумнее был он кабы,
Не быть ему с тобой счастливым,

Взял б городскую, не с поселка,
Красотку умную с дипломом...
А то гнобит и по-другому.
Она с дитем, сынок, что толку

Кормить чужого, грех чужой,
Оставь её, пока не поздно,
Пока уехать в город можно,
А год пройдет, родится свой.

Так лет ворчала пару-тройку,
Родился сын, построен дом,
И можно жить, всё об одном

Ворчит свекровь, невестка стойко

Всё терпит, крутится волчком,
Детей отводит к старикам
С утра, (ворчит и мама там),
Хлеб выпекать бежит потом.

Свекровь приедет и уедет,
Настроив сына, он уж пьёт,
И сгоряча жену уж бьёт,
Бегут спасать её соседи.

Она ребеночка носила,
Как приглянулась холостая
Ему подружка. Тварь какая! —
И мужа с дракою отбила.

Он успокоился, что толку,
Письмо от матери, больна,
Умрет, мол, вскорости она.
«Поеду к ней, я ненадолго».

Оформил отпуск и поспешно,
Собрался махом – был таков!
«Я знаю точно, лжет свекровь,
Женить задумала, конечно!..»

Детей бросает и... вдогонку.
Холмск – Ванино, в Новосибирск.

Далекий путь, огромный риск,
Ребенок бьет в живот ножонкой.

Все точно, как предполагалось:
Умна, стройна и городская.
Ему ли нравится такая,
Мать не спросила: Это – Гала,

Возьми в супруги, ту – забудь!..
Не тут-то было, шум и драка...
Кричали долго, но, однако,
Жена и муж в обратный путь.

И родился вскоре третий,
И жизнь опять пошла на лад,
Четыре года так в подряд,
Не зная бед, счастливы дети.

Свекровь теперь не нападает
Нахрапом, только лишь зовет
На Материк, который год,
Без внуков, мол, я пропадаю.

2.

И вдруг решил: «Уедем с Сахалина
Куда-нибудь, хотя бы в Красноярск,
Твои там сестры, в самый раз».
Да будет так, желает, как мужчина.

Устроились семьёю в коммуналке,

И в детский сад оформили мальчишек,
Свекровь не злые письма пишет,
И посещает школу дочка Галка.

Еще один родился мальчик,
Прошло всего полгода с той поры...
Наверняка кто знает правила игры
Судьбы, где беды ждут, а где удачи.

Что накопилось за семь лет
В душе плохого, прорвалось,
И в дверь стучится страшный гость:
Ваш муж погиб... и меркнет свет...

О, горе мне, одна с четверкой
Осталась я, как дальше жить?!..
Кого судить, кого винить?..
И душу рвет и боль, и страх, и горько...

И начались опять мытарства,
Всё бросила, из города в поселок;
Жильё, работа, садик, школа...
Как тяжкий грех, судьбы злорадство.

А через год опять в дорогу —
В край не обжитый, Жешарт, Коми.
Зима сурова, мерзли в доме...
Куда гнала судьба, ей богу?!..

И год минул, и едут снова
На Абакан, в сухие степи,
Метаний этих нет нелепей.
«До смерти здесь, даю я слово!»

Весенние хлопоты

От школы после уроков
По улице Ленина прямо
Домой добежать недалеко,
Где меня дожидается мама.

Ранец, потрепанный сброшу,
И хлеба отрежу кусок,
Сахару горкой хорошей
Насыплю и... за порог.

Мама вдогонку: Покушай!
На печке горячие щи...
Я шапку надвинул на уши,
Во двор и пропал, не ищи.

С ребятами мы сговорились
Рыбу глушить колотушкой.
Что, даром у речки мы жили?
С неё нас не выгонишь пушкой.

Лед как стекло, где прозрачен
До самого дна, там, где окунь,
Бьёшь во всю мощь наудачу,
Звук дробится эхом далеким.

Как вскрылась весною протока,
И пока мутные воды гонимы,
Мы можем сбежать и с уроков,
Ловить закидушкой налимов.

Закинем на бревнах и бонах
Под вечер десяток удилищ,
И ночь у костра полусонно,
Но и весело мы проводили...

Налим попадется здоровый,
Как вытащишь, сразу за жабры,
Заточкой к бревну и – готово,
Он скользкий, не вырвался дабы.

А позже, когда потеплеет,
На улице после уроков,
То в городки мы затеем,
То идем за березовым соком.

Без дела хоть день мы скучали,
Такого и в жизнь не бывало!..
Скоро каникулы, нет и печали,
Нам месяц учиться осталось.

Сложно о простом

Ни голос, ни присутствие твоё мне неприятно,
На белизне простынь желанных нынче пятна,
Хотелось бы тебе отмыться как-нибудь иначе,
Свои не признавать грехи, не отдавая сдачи,

С лихвой души полученной за годы теплоты,
Тебя я понимаю, как себя, не понимаешь ты,
Что возвратить доверье просто невозможно,
Коль нет желания простить, прося прощенье,

Любовь украдена тобой и мною, похищенье
Не признается, властью обвиняющего права
Меж нами пропасть, а подумать если здраво,
Та пропасть мнится, магия горячечных эмоций

Учитель наш жестокий, в небесах зачтется
Не право обвинять других, энергия сближенья
Неверной мыслью чувств усилит раздраженье,
Тогда и голос, и присутствие твоё неодолимо

Во мне, что увеличит злобу, в клубках дыма
Сгорает сердце адскою жаровнею впотьмах,
Без воздуха любви свободной, только страх,
Не тот, который ясный, колкий, возбуждает,

Как молодой инстинкт, в тот час он исчезает
От ласки матери, так с солнечным восходом
Преображенный мир разгонит страхи сходу,
И голос твой, твоё присутствие вписалось

В хор внешних звуков, тел, спадает вялость
Взамен любить, но тяжесть не проходит
Сама как по щелчку, еще слова коробят,
И показной улыбкой, шуткой, пробуя замаять

Эмоций дурь, злопамятно воротятся опять
Они стеной.... Уйдя в порыве, возвращаюсь,
Чтоб мостик возвести, начав хотя бы с чая,
На случай Бог пошлет нам ангела спасенья,

И злость уходит медленно, души смятенье
Рассеялось, клубясь как дым от сигарет.
Я не задам вопрос, чтобы не ждать ответ,
Налью две рюмки, молча: Выпьем, дорогая!
Поговорим о том, о сём пока что, не ругаясь,
А там – посмотрим...

Юбилей

И как бы нехотя, скучающей походкой
Взойду на холм, повыше воздух чист.
Там закурю, хлебну немного водки,
И памятью сойду в туман былого вниз.

Что тридцать лет, число не хуже прочих,
Для человека жизнь, значительный кусок,
Но миг для вечности, а вспомнить хочешь
Подробности – их нет, остался эпилог.

Прислушаюсь, – не к шуму городскому, —
А к чувствам памяти, там горечь или мёд?..
Когда сегодня уходил гулять из дома,
Унес с собою грусть, на воздухе уйдет.

Она как тень тянулась до вершины,
Присела рядом, с боку, но молчит...
О чем я думаю, какая чертовщина
Непрошенный наносит мне визит?

Сегодня должен быть бы юбилей —
Тридцатилетье, и помним, но забыли,
И нам накрыть бы стол, позвать друзей,
Смеяться и шутить, рассказывая быль.

«Студентами гуляли без девчонок,
И в этот раз собрались пацаны...
В разгар застолья в комнату смущенно
Заходишь ты, все были уж пьяны.

«Прошу прощения, ребята..., помогите
Мне в раму вставить новое стекло...»
Твой вид ли тронул, наивно беззащитен,
Иль хмель в крови, к тебе меня влекло.

Забавно стать стекольщиком на час!..
А почему бы нет? – и следом за тобою...
Так подстерег Амур, стрелой разит он нас!..
И вскоре свадьба – стала мне женою»

Да, было так. А нынче? Что же нынче?
Уставшие от ссор, забот и злых упреков,
Два одиночества, и чувств любви за вычет.
Пренебрегли жемчужной свадьбой, во как!..

В ногах окурки, хмель не греет душу,
И ночь близка. Печаль, пойдем домой...
Она мне шепчет: «Ты меня не слушай!..
Любовь в тебе жива, и ты любим женой»

Встретимся однажды

Не доезжая центра пару остановок,
Сойду пройти по улицам неспешно,
И в «Книжный мир» зайду, конечно,
Взять свежий томик писаного слова.
В людском потоке вдруг тебя увижу,
Опять не ты, как подойду поближе...

Проспект рекламой красочно богатый,
Смотрю, дымлю привычно сигаретой,
Среди толпы ты бродишь точно где-то,
Тебя я встречу обязательно когда-то...
Дойдя до Парка, я сажусь в автобус,
И там искать тебя продолжить чтобы.

А за окном плывут дома и перекрестки,
Поток машин, гудки и ругань, и заторы.
Так еду, думаю о чем-то, через город,
Всё тополя видны и редко где березки.
Через неделю вновь поеду прогуляться,
Тебя в толпе узреть и снова обознаться.

Надо женщину любить

Надо женщину любить —
Говорила разве мама?
Разъясняла, как любить,
Чтоб любовь не стала драмой?

А любить, что значит слово?
Нежность, ласка, пониманье?..
И любить весь мир готовый,
Где берет ребенок знания?

Видит он, как папа нежен
И приветливый с супругой,
Или видит он иное:
Как враги они друг другу?

Или мама скажет сыну:
Папа твой плохой мужчина!
В голове уж у ребенка
Каша, хаос, чертовщина...

То ль любовь такая штука,
Когда любят, но дерутся,
Иль она бежит за двери,
Как об пол разбилось блюдо?

Когда мама лечит ранку
На коленке шалуна,
И тогда на нежность пальцев
Так похожая она?

Иль с букетом в дом приносят
Эту чудную любовь?
Сам смекает, но не спросит,
Не ответят, отругают:

Ты пока еще не вырос,
Что ты можешь понимать!?
Слышит он, как папа злится,
Костерит как папу мать.

В книгах, фильмах, всюду,
Всюду о любви да по любовь,
Что же значит это слово,
Он гадает вновь и вновь:

«Когда девочка мне скажет,
Ты хороший, мальчик, друг!?
Когда бабушка мне скажет,
Ай, помощник, вырос внук!?

Когда папа отругает
За испорченную вещь,
А потом меня научит

Ремонтировать, беречь?».

Все как будто лучше знают
Про любовь и как любить.
То голубками воркуют,
То не могут дружно жить.

Он кричит: Какая стерва!
Сволочь ты! – кричит в ответ.
Вот такие представленья
У ребенка с малых лет.

Вырос он, семью бы надо,
В нем же страх: Не торопись!
Пусть она неотразима
Красотой, душою – рысь!

Про любовь мурлычет нежно,
А потом ударит больно
Прямо в сердце: Сволочь, гад!..
Холостому же привольно,

Ты мужчина, а не раб!..
А найди, чтобы любила...
Ищет, ищет, не находит,
Тратит время, деньги, силы,

Перебрал немало женщин,
В каждой видит только мать,

Но не ту, какую любит,
Нежно хочется обнять,

А другую, всё плохое,
Что в ней видеть не хотелось.
Стыд и страх в нем поселился,
Любит женщин неумело,

Потому что не учили
Его женщину любить!..
Самому придется парню
Научиться как-то жить.

Зеркалу

Не подойду к тебе, ты слишком откровенно!
Чтобы лица следы злой осени мгновенно
Не смело отразить..., неужто ты забыло,
Как привлекательно лицо когда-то было?

Не отражай потухших глаз моих усталость,
В тебе и молодость, и блеск очей осталось.
Девчонкой я любила, помнишь? пред тобою
На танцы наряжаться в платье голубое,

Чуть брови и ресницы тушью я подправлю,
И на губах помадой влажный след оставлю,
А остальное молодость с улыбкою добавят.
В те времена к лицу прическа шла любая...

Да, милое, мне нынче это не покажешь,
Пусть я его массирую старательно и мажу
Кремами разными, вон, сколько их скопилось!
А помнишь, как в семнадцать я влюбилась?

Душа поет, глаза искрятся счастьем, чудо!
Тех дней, пока жива, вовек я не забуду.
А он такой!.. Нет слов, сказать, ты помнишь?
Светлей и радостней как будто стало в доме.

А свадьба – во!.. Пришло не счесть народу.
И отблеском лучей сияло ты в угоду
Такому празднику.... И знать бы наперед,
Что будет с нами..., да, стекло не лжет,

Оно свидетель лишь, одетое в оправу...
Прошла же молодость шумливая на славу!
Тебе, дружок, я доверяла все секреты,
Ни раз, стояла пред тобой одетой и раздетой,

Ты видело, как ночью я ласкала молодца,
Тогда, казалось, нет счастливого лица!..
Однажды ты внезапно помутнело,
Когда я прогнала решительно и смело

Любимого..., не будем о плохом...
Потом я плакала..., да, было нелегко,
Он изменял!.. ты у меня одно осталось.
К себе и злость, обида, боль и жалость,

Но всё прошло. Носила я под сердцем
Дитя. И волю сжав в кулак, и опереться
Лишь на себя, родители помогут...
О, милое, прости за грусть, и ради бога,

Тех тяжких дней не надо вспоминать.
Ворчал отец, всплакнув, простила мать.
Родился сын, ты помнишь, милое стекло?

Я буду счастлива изменнику назло! —

Так пред тобой я клятвенно решила,
А по ночам рыдание подушкой душила:
Как дальше жить? Осталась я одна...
Но горе, что судьба готовила, до дна

Мной не испито, я еще не знала...
Одно со мной ты верною осталось.
Предстану пред тобой я гордо непокорной,
Сквозь слёзы пусть улыбка светится притворно,

Но кто, кроме тебя, знал правду до конца?
Не вынесу с тобой разлуки с полчасу...

Я выбрал

Я выбрал в жены женщину такую,
(По идеальной кто же не тоскует?!)
Душа чтобы подпитывалась болью,
Чтобы страданию обильному раздолье,
Чтобы меня не понимала, не прощала,
Чтобы не раз душевная усталость
Волной тяжелой душила и терзала,
Чтобы иллюзии и следа не осталось.

Я выбрал в жены именно такую,
О ней душа таинственно тоскует,
Бежит же разум прочь в уединенье,
Где мыслям не свобода, а плененье,
Чтоб излагать все чувства на бумаге,
И ссоры, недомолвки, передраги
Всё в рифму слов пытаясь заключить.
Какую выбрал в жены, с той и жить
Хочу и не хочу одновременно,
К свободе рвусь, а не сбегу из плена.

Прощальный вечер

В ресторане «Интурист»
Напоследок собрались.
Водку в сумочках девчата
Пронесли, нам маловато

Будет то, что заказали,
И украдкой подливали,
Как опять пустел графин.
А подвыпивший грузин,

Широко сорил деньгами,
Веселился с земляками.
Песню часто и одну
Исполняли лишь ему.

Тут и мы зашевелились,
Под закуску пропустили
Пару-тройку коньяка.
Опьянел и я слегка,

Опьянел и осмелел,
И к Татьяне уж подсел,
Что трепался, не понять,
С ней одною танцевать

Мне хотелось, что вокруг,
Для меня исчезло вдруг...
Но пора и расставаться.
Соберемся ль снова, братцы,

Как покинем институт?
Все по жизни пропадут,
Разбегутся по стране...
Одиноко нынче мне,

Вот ушла с подругой Таня,
Подарила мне на память
Этот вечер.... У окна
До утра сидел без сна.

Ах, шальная голова,
Говоришь не те слова,
Не для сердца утешенье,
Не спасаешь от крушенья...

Жестокий разговор

Спустилась ночь.
Вокзал полупустой.
Мы в ожиданье поезда
Продолжим разговор,
Тяжелый, не простой.

«Я не люблю тебя,
Прости меня, Галина.
Давай расстанемся,
Пока еще не поздно»
А я люблю тебя!..
Какой же ты дубина...

Остаться мне одной?..
Нет! Это – невозможно.
«Допустим, я с тобой,
Что будет дальше?
Как мне-то жить,

Не замечая фальши,
Обречь себя
На вечные страдания?
Смирясь без любви,
Ведь сердце обманешь...»

Я так люблю тебя,
Что умереть готова!
«Галина, погоди,
Не начинай же снова.
Ведь знаешь, говорят,

Насилу мил не будешь.
Не должен я любить за то,
Что ты так сильно любишь»
Жестокий, гад! Я не могу —
И бросилась наружу —

Иль я умру сейчас,
Иль станешь моим мужем!
Прикрыв глаза рукой,
Шагнула вниз с платформы.
«Куда ты лезешь, дура!..»

Визжит отчаянно тормоз.
«Живи, согласен, Галка!..» —
Тяну её обратно.
Не умерла?.. Как жалко!
Согласен? Вот приятно.

Мне было и не страшно,
Я за любовь боролась.
«С ума сошла ты, что ли!?» —
Засел в груди осколок...

Трех лет и не минуло,

Ребенка прижимая,
В истерике кричит:
Ты не любил, я знаю!..
Вот Бог, а вот порог,
Катись отсюда к черту!

Я улыбнуться смог,
Пусть и душою мертвой.

Разговор

Скажу, мне, честно, всё равно,
Что было между нами так давно,
Тебе простить я просто не сумею,
Виня тебя, потянется вина моя за нею,

Самой просить прощение придется.
Поговорить еще, когда нам доведется?..
Как жил, поверь, не хочется и знать,
Расскажешь сам, не стану запрещать,

Но, повторяю, как жил, не интересно.
А у меня сложилась жизнь чудесно!
Как видишь, всё, что нужно, есть,
Квартира в Академ, живу я здесь,

В Студгородке, и в двух шагах работа.
Я говорю, а ты молчишь чего-то...
Был Саша у тебя?.. Не может быть!
У нас запрет негласный говорить,

Кто есть отец, а тут такое дело...
Ему же встречи этой не хотелось,
И он тебя, я знаю точно, не искал.
Вчера звонил, ни слова не сказал...

Как год уже вы больше не общались?..
Ты имя произнес моё чужое – Галя.
Была я Галкой, Галкой и осталась!..
Налей мне водки, лей, мне будет мало,

Стакан налей, и чокнемся за встречу!..
Прощай!.. о прошлом нет уж речи...

Как хорошо

Как хорошо, что не случилось
Нам подружиться потесней...
Свела нас жизнь, и разлучила,
Чтоб вспоминать до этих дней.

Как хорошо, что вышла замуж,
И век верна была супругу...
А мне достался образ Дамы,
Для сердца милая подруга.

Как хорошо, что мы не в ссоре,
И друг от друга не устали...
Не счесть похожих тех историй,
Влюбляясь, только и мечтали.

Как хорошо, что не узнала,
Какой я есть на самом деле...
Душа несбывшимся питалась,
Чтоб годы днями пролетели.

Как хорошо, что есть на свете,
О ком так мило вспоминать...
А у детей моих свои уж дети,
По кругу жизнь идет опять...

Обезьяна и Панда

Противоположно полярное сходство,
Мы с тобою и впрямь инородцы,
Видно, Бог нас столкнул по капризу,
То ли выписал мне к тебе визу,

То ль тебя он заслал контрабандой.
Вот так цирк – обезьяна и панда
Тридцать лет в одной клетке, потеха!
Обезьяне совсем не до смеха,

Сколько можно скакать, суетиться,
Были б крылья, умчалась бы птицей —
Так мечтает и тщетно зверек.
Дверь открыта, скакни за порог.

Страшно очень, незримые цепи
Держат. Нет ситуаций нелепей,
В клетке вместе медведь с обезьяной!
Одному бы бамбук, а другому бананы,

А приносят на завтрак им веток охапку,
Голодает один, другой кушает сладко.
Я зверинец такой описал символично,
Двух людей лишь характер и личность.

Дополняют друг друга, скажи, антиподы,
Притираясь, царапая души, за годы?..
Темперамент и взгляды – не пара сапог,
Не случайно, я думаю, сводит их Бог.

Огонь души

Чего тогда не принимала,
Сейчас ты просишь у меня,
А у меня того уж мало,
То есть душевного огня.

Его ты нынче захотела,
Который, злобствуя, тушила.
Холодный ум во мне, и тело
Не хочет больше тратить силы.

Огонь души еще горячий,
Бесцельно льёт тепло вокруг,
Подходишь ты, в угли он прячет
Весь жар огня, затопчешь вдруг!?

Ведь долго он неукротимый
Тебя тянулся обогреть,
Ты отступала, шли ли мимо,
Воды плеснуть могла, презреть.

Так поступала с ним ни раз,
Хоть молод был, но крепок,
Лишь ветерок подуи в тот час,
Он рвется снова в небо.

С чего бы вдруг ты захотела
Взять то, что долго не брала,
Так просишь робко, неумело,
С улыбкой горькой, но мила?..

Не бойся, пламя не опалит,
Оно простило, мести нет,
Живет мечтами, видит дали,
И просто так всем дарит свет.

Садись, любимая и грейся,
Не вымогай души огня!..
Молчи ли злись, или посмейся,
Ничто не тронет уж меня.

Несвободна

Внимательно за лекцией следила,
Записывая тщательно конспект.
А я вполуха, до того ль мне было,
Когда минут и тех не замечаю бег.

Чихнешь опять, как зашуршат бумаги,
И извинишься, мол, достала аллергия.
Что нравишься, признаться нет отваги,
Влюбленность и беда, и радости стихия.

К учебе ты относишься серьезно,
Готовишься, как следует студенту.
Твоей руки коснусь неосторожно,
Кроме тебя, исчезнет всё моментом.

В аудиторию входя, я первым делом
Смотрю, не занято ли место за столом,
Где ты, и посещать занятия хотелось,
Чтоб встретиться, и думать об одном.

Ты штангенциркулем орудовала ловко,
Производя замер, а мне же в новизну,
В тебе заметна заводская подготовка,
Что значит нониус, я долго не пойму.

Я был женат уже, и ты имела друга,
Тебя к нему я тщетно ревновал...
И как-то был взволновано напуган,
Когда в твоём жилище побывал.

Забыла твой конспект, поехали, Володя,
Проводишь, заодно увидишь, как живу.
Давно работаю в отделе на заводе...
Ты говорила пустяки, я бредил наяву.

Большая комната, жильё для четверых,
Висит картинка «Писающий мальчик».
Потеряно смущен, подробностей иных
Не помню, радуюсь, что выпала удача

Вдвоем побыть без посторонних глаз.
Неловкость разрядить находишь повод:
Пей чай, вот здесь конспект, а я сейчас,
Уйду на пять минут, я скоро, Вова...

Я снова холостой. Мы отучились в вузе,
И собрались всей группой в ресторан
В последний раз в студенческом союзе.
Я танцевал с тобой и счастлив был и пьян.

Минуло тридцать лет, былое бы не трогать,
А память друг мой враг напоминает снова
Мне эти дни. У каждой судьбы своя дорога.

Не мог сказать тогда, скажу теперь же слово...

Визит к отцу

Я приеду автобусом, веришь?
Обещаю – на этой неделе,
Чтоб то место однажды найти,
Для тебя, где свершились пути.

Сверху я, ты покоишься снизу.
Нам не срок оказаться поближе,
Молча, так посидим, хоть часок,
Ты промолвишь тихонько: Сынок!

Всё, что было, былём поросло,
Грустный вышел, увы, эпилог...
Сорок с лишним умаялось лет,
Ты, сынок, и постарше и сед.

Всё поймешь, я теперь не один,
Мать твоя упокоилась, сын...
Что тебе до истлевших костей?
Береги своих кровных детей.

Понапрасну меня не тревожь,
Все обиды твои – острый нож.
Так слышалось... Папа, прости!
Я поддержки пытался найти

У тебя под могильным холмом.
В землю твердую тычусь я лбом.
Водку пью за души упокой...
Не сержусь на тебя, боже мой!

Было, было... Тебе не судья.
Всё же мы, как и прежде семья:
Галка, Юрик, и папа и мать...
Как мне хочется вас всех обнять!..

Сон ли?

И пропасти страшась, в неё срываюсь всё ж,
Как птицею паря, коснусь ногами дна...
Нисколько не дивлюсь своим причудам сна,
Не осознав, что сплю, мне этот мир хорош,
И будто край мне этот знакомый и родной,
И мной теперь забыт реальный мир земной.

А в мире сна реальность, к которой я привык,
И будто здесь рожден, вольготно и знакомо.
Особенно чудесно здесь действуют законы.
Меня не удивляет, что часом длится миг,
Что мертвым я живу, дышу я под водой,
В огне, а не сгораю, что снова молодой.

Никак войти не смею в незапертую дверь,
Стремглав бегу вперед, а остаюсь на месте,
Я рядом окажусь, лишь вспомнив о невесте,
И обнимает нежно, не женщина, а зверь...
Сквозь стены проникаю, пойму чужой язык,
Могу подняться вверх, как будто так привык.

На службу призовут, вдруг окажусь я голый.
Но это сон, я сплю, и мир, что вижу, грёзы!
Но осознать пока мой разум все ж не может.

Никак он не поймет, зачем мне снова в школу...
И мир, где тело спит, за плотною стеною.
И яркость ощущений, во сне здесь всё иное.

Я бодрствую во сне, наоборот, быть может?
Устойчив мир земной и чувствами приемлем,
Как парк, театр, гости мы посещаем землю?
Для полного контакта, мы обретаем кожу,
И так мы пребываем, пока не надоест...
Вот тело бездыханно, а я куда исчез?!

Кто осознает это, тот обретает смелость:
От чувственного мира разлечься захотелось!

Настроение

Что ни скажу, признаться всё ж придется,
Не к месту похвала, и сердце ровно бьется,
И с тихой радостью, с обиженною грустью,
Признание позднее душа уж не пропустит,

Ей мнится лесть, и та, что истину сокрыла,
Пусть будет сказано: Стишок и этот милый!
Да если было б так, уверовал сначала,
И музыка в стихах лирично бы звучала,

Но молодой поэт страдает притеснением,
Нудит писать его невежественный гений,
Чтоб через день труды безжалостно убить?!..
Не потерять бы логики рассудочную нить,

И не заметить, что глодает душу самоедство,
Неполноценность та, стыдливая, из детства,
Возьмет опять бразды над чувствами печали,
Не вы ли настроения перемены подмечали?

Упрек и глуп, несправедлив, душа поэта
Его лишь собственность, и гордостью задета
Своей же, недруг страх и родственник позора,
Ждет похвалы, и на расправу очень скорый,

Как пламя возгорит любви страстями упоения,
Он здесь, чтоб притушить сердечное биение:
Ничтожество!.. Уйди с дороги великанов...
И я болтлив с самим собой, и точно пьяный,

Мне хорошо в слезах, никто и не услышит...
Ум изнемог выдумывать – душа не пишет,
Она, пришибленно пока, притихла, и таясь,
Ждет перемен погоды дня – стихи и страсть!

Разговор с отцом

Отец, хочу с тобой поговорить.
Пусть и душой хранится нить,
И старше я на четверть века,
С земным как будто человеком
С тобой я стану говорить.

Совет мне нужен, иль подсказка.
Вот тридцать лет живу с супругой,
Любили будто бы друг друга,
Три сына взрослых, было тяжело
Нам жить, ни понимания, ни ласки.

Как и у вас. Что там случилось,
Не знаю я, по крайней мере
Искал ты выход, хлопнул дверью,
И в горячах, со всею силой...
Терплю я зря, скажи на милость?

У нас с тобою сходства много...
Фамильный род продолжают внуки.
Прости, отец, тревожу в духе
Не просто так, прости, ей богу!
Любовь умрет – наложить руки?

Зажег свечу, огонь спокойный,

Через него ответ я жду.

Накличу счастье иль беду?

Иль век свой вынесу достойно?

Иль смерть приму, в каком году?

Волна

Пока не сильная волна нахлынет и откатит,
Готовит к гибели она: «Ты жил довольно, хватит!»
Я жил-то жил, не возразишь, но как-то недостойно,
Страдать душой учился лишь, чтоб умереть спокойно.
А мне бы мудрость применить, ведь кое-что скопилось,
А мне бы счастливо пожить, в свои поверив силы.

Волна накатит посильней, смывая прочь бывшее:
«Ты растранижил столько дней!.. Могилой успокою»
Немало пройденных дорог я в сердце сберегаю,
В меня с любовью верил Бог, в себя не верил, каюсь!..
Повремени пока, Волна, я поднимусь с колена...
Ни свет небес, ни темень дна – у ног спадает пена.

В духе

Подойди, посмотри, Бестелесный,
Будет, право, тебе интересно,
Что ты делал свой век на Земле —
Подзывает к окошку Небесный.
«Мне не видно ни зги, всё во мгле».

Да, конечно же, черные мысли
Над тобою как тучи нависли,
Все же в сердце горит огонек.
В рай ли в ад тебя надо зачислить,
Сам решай, — удаляется Бог.

Кадр за кадром в обратном порядке
Жизнь проносится ясно и кратко,
Чуть помедленней там, где ошибки.
Стыд и радость, истома, и гадко...
Мама с папой, я маленький в зыбке.

И вокруг ослепляющий свет,
Помогает найти мне ответ...
Он стирает мне память земную,
Я лишь Дух, больше имени нет!
Чувству божьей любви повинуюсь...

Молитва

Прости мне, Господи, за то,
что кланчил помощи я слёзно,
Когда незримая рука
мне помогала осторожно,
По слепоте своей душевной
я эту помощь не приметил,
Не понимал, что счастье в том,
что есть семья, жена и дети.

Прости мне, Господи, за то,
что будто бы никто не любит,
Когда я создан из любви,
и есть любовь, была и будет!..
Но страх извел во мне надежду
и безнадежностью окутал,
И я поддался искушению
себя казнить, но в ту минуту

Твоя надежная рука
меня с любовью приласкала!..
Прости мне, Господи, прости!
Самоубийственное жало
Как воск растаяло бесследно,
и в сердце вспыхнул огонек,

Я сам себя спасал всю жизнь,
и ты мне, Господи, помог!

Забытых чистых ощущений

Представь забытых чистых ощущений,
Когда «люблю» сказать пока что стыдно,
Когда невинное природное влечение,
Пока и чувство сердца искреннее видно.

Когда любовь еще не в рамках слова —
Невыразимое волнующее чудо!
Когда на подвиги и глупости готовый,
И видишь красоту, разлитую повсюду.

Представь души ребенка непорочность,
Когда нет опыта, но есть одни догадки,
Когда ты любишь образ некий, и заочно,
Когда мечтать о будущем так сладко...

Переродиться так бы, очищая душу
От знаний опыта цинизма и расчета,
И бег прервать, и слушать, слушать
Мелодию любви чудесного полета.

Морозец старичок

Морозец!.. Бодрый старичок.
И мертвого заставишь шевелиться,
Целуешь в щеки, мочки горячо,
И пять минут на месте не сидится.

А воздух!.. Стопроцентный спирт,
Дышать всей грудью невозможно.
Морозец, браво! Нынче ты сердит,
Кусаешь кончик носа мне безбожно!

Ну что давай ногами постучим,
Похлопаем в ладоши и... согрелись!
Как замечательно под шубой на печи,
Иль в бане парится! Мети свои метели!..

А я возьму лопату и метлу,
Как в бой пойду на снежные сугробы,
Или бревно на козлы и пилу,
Тогда вот заморозь меня попробуй!

Как хорошо, в природе есть зима,
Мороз и снег, и бешеная выюга!..
С любовью ждет весну душа сама,
Как встречи ждет возлюбленная с другом.

Фаталист и оптимист

Фаталист:

Чего трепыхаться, судьба – неизменна!
В неволю попал, как родился, из плена
Судьбы не сбежать никогда – покорись!
Свобода – мечта, сказка глупая. Жизнь
Моя в Божьих руках, я презренная тварь.
Нет веры, надежда как тусклый фонарь,
Что жить, что ни жить, всё одно умирать,
Руками как крыльями тщетно махать...

Оптимист:

Бог дал нам свободу судьбу свою строить,
Священное право быть тварью, героем,
Иль быть неприметным, кому как угодно,
Гореть всей душой, оставаться холодным,
Бог в каждого верит и каждого любит,
Простит, кто ошибся, судьбу кто загубит,
Поможет, кто верит, кто любит, кто ждет,
Душой кто свободный, тот верно живет,
Судьба – это путь, выбираемый нами,
Не Бог и не Дьявол – ответственные сами!

Утро раннее

Утро новое, свежее утро!
Воздух чистый и пахнет дождем,
С ним и я родился как будто,
С ним и дальше по жизни пойдем.

Свежий ветер и росные травы,
Купол неба и ясная синь.
Я твой сын, молодая держава,
Не уйди от меня, не покинь.

Коршун кругом летает дозором,
Прыг да скок возле ног воробей.
Необъятны родные просторы,
Зелень гор вдалеке голубей.

Город здесь тишину нарушает,
Словно гладь неподвижных озер,
Если с берега камни кидают,
Площадной какофонии вздор.

Я уйду, где кукует кукушка
Где как песня жужжанье шмеля,
Где нашепчут мне сказку на ушко
Ветер, травы, листвой тополя.

Я и сам как ковер травянистый,
В синем небе как облака пена.
Дух в любви своей страстно неистов,
Был во мне он, исчезнет мгновенно.

Ну и я возвращаюсь обратно
В город, шум, придорожную грязь,
Где газоны – зелёные пятна,
Где любовь лишь бездушная страсть.

Цыганка

«На минуточку!..
Погадаю, дорогой! —
Как репейником
Цепляется рукой, —
Дай копеечку,
О счастье расскажу,
На ладошку,
Если хочешь, погляжу».
Не желаю знать,
Цыганка, отойди!..
Всё – моё, что
Ожидает впереди,
Ты кому-нибудь
Другому погадай,
Про любовь ему соври,
На чувствах поиграй.
Знать не хочется,
Что будет, даже пусть
Я с тоски своей,
С печали удавлюсь,
Или что еще
Назначено судьбой.
Я не стану
Разговаривать с тобой.

Уеду!

Брошу всё, и вдогонку за поездом,
На площадку вскочу налегке,
Что я встречу в пути, мне не боязно,
К черту весь городской этикет!..

Погрозит проводница мне пальцем,
Мол, нельзя так, проводит в купе...
Вдруг начну без причины смеяться,
Удивляться всему, как глупец.

Ты лети, мой вагон, через степи,
Через горы и реки, тайгу,
Пусть никто на вокзале не встретит,
От себя я сегодня сбегу.

Остановка. Гудок. Полустанок.
На перроне толпится народ.
От свободы и воздуха пьяный,
Я кричу паровозу: Вперед!

Так лететь бы без устали годы —
Остановка, гудок и вперед.
И мечте своей дикой в угоду
Жить, смеяться, дышать без забот.

Пятьдесят

Хочешь пиво?
Сегодня – с деньгами.
Повод есть,
Угощение за мной.
Не за пазухой —
В сердце камень.
Будет встреча
Навек дорогой.
Извини..., я не помню...,
Забылось...
Знаю только,
Что знаю тебя.
Выпьем пиво,
Душа истомилась.
Повод? Как же!
Ведь мне пятьдесят!..
Ты уходишь? Домой?
Ожидают...
Ну, прощай!
И до встречи. Пока!
Грусть моя – отпусти —
Золотая,
Пусть грустит
Не душа, а строка.

Зима

Это зима! И канун перемены года.
Снег ветер метет, как надо погода!
А гулять по улице всё же не хочется.
Чье-то бельё на веревке полощется.

Собаки и кошки дворовые скрылись.
Погода мерзкая – намерзли скулили.
Ёлок, веток пихты на базаре выбор.
Из теплых квартир выбрались вы бы?

Вот и я пью горячий чаёк у окошка,
Можно водки вдогонку немножко...
Хорошо! – зимою зима, а не слякоть.
Ну вот, Новый год на пороге, однако.

Зима внезапно

Зима пришла внезапно
Под самый Новый год,
Ей надо б поэтапно,
Она – наоборот.

Не видели мы снега
Всю осень, в ноябре,
Уж сутки сыпет с неба,
Сугробы – на тебе!

Зима пришла нежданно,
Где шлялась до сих пор?
Небес разверзлась манна,
Завален снегом двор.

А воздух – что за прелесть!
Не дышится, а пьется,
И запахи апреля,
Душой любовь поётся.

А снег, как пух перины,
Засыпал целый свет,
Покрыл собой машины,
Дороги больше нет!

Мне радостно под снегом,
Я сам как снеговик,
Чуть выше крыши небо,
Зимы пушистый лик!

Этюд

В короне утра Луна,
Пронзенная следом лайнера,
Наполовину отпала она,
Горит бело-холодным пламенем.

Ниже – крыши многоэтажек,
А над ними вороны кружатся,
Луна старая, скоро ляжет
В туманную облака лужицу.

А Светило лучами ранними
Звезды гасит одну за другой.
Вот встает оно желтым пламенем,
Горизонт, поджигая дугой...

День является свежо-морозный,
Будто сразу весь мир вдохновил...
Не любить этот мир невозможно!
Я его лишь слегка пригубил.

Зарисовки

Сегодня день особенно дождливый,
Холодный ветер осени дыханье,
Наводят грусть обильные поливы,
Но не скажу я лету до свидания.

Из края в край всё небо пеленою
Охвачено текучим серым дымом,
Накинут плащ как будто надо мною,
Для солнечных лучей неодолимый.

Иль кто-то властно солнце притушил,
А свет он обращает в дождь негодный,
И шлет печаль с тоскою, будто для души,
Что день лишен любви и радости сегодня.

Движенье воздуха зеленых колебаний,
Кипенье стаяк птиц тревожной суеты,
Что близка осень, чувства не обманет —
Улыбкой солнца озаряешь душу ты!

Прогулка

Случайный гость, да и не гость – прохожий,
Где окна светятся и двери нараспашку,
Зайти незваным – нет, высок по мне порожек,
Как спросят пропуск, карточку, бумажку.
Здесь постою недолго, ровно на затяжку.

Субботный день, свободны тротуары,
Цель неясна, иду с душою осени весною.
Безногий нищий дед, на остановке пара,
Влюбленные, иль ждут, гадать не стоит.
Но молодость!.. И сердце вдруг занает.

Через дорогу – Храм, резные двери,
А возле них как часовые две старушки.
В душе перекрещусь, что остается? Верить!
Двенадцать дня – с горы ударит пушка.
Не к месту слышится беспечная частушка.

Зеленым светофор мигнул, на перекресток
Он пригласил, меняй, мол, направление.
Вот так и в жизни случай малый просто
Все может изменить, как провидение.
По Городу идти бесцельно вроде тени...

Реки с моста – открытые просторы,
И темень тайны вод движеньем очарует.
А если вниз?.. Так мысль ударит вздором!
Душа, возможность жить, не отберу я...
В тебе бурлят и пенятся особенные струи.

Нет, не случайный гость, и Город не опасен,
Пусть нынче и прохожий, как многие вокруг,
Пусть нынче грусть в день в этот, в этом часе,
Пусть нынче улиц шум подарит нужный звук,
Чтоб ощутить опять во всем своё участие...

Пенаты

Здесь несколько лет моих бродят хороших,
Здесь помнят меня молодого студента...
Бегу по морозу раздетым на ленту,
Конспект под ремнем, вот и вся моя ноша!
А вечером – праздник, гуляют ребята,
А вечером – танцы до ночи..., помятый,
С больной головой поутру на занятие...
Вот так неожиданно память накатит.

Накатит. Автобусом еду я в Студгородок.
Зачем и не знаю, но еду, ликую!..
А встречу ли там свою жизнь молодой,
Мой милый, забытый, родной уголок?
Общага. Площадка. Столовая. Корпус.
Войду, и не пустят, потребуют пропуск.
Потребуют, да. Кто для них я такой?..
Тридцать минуло с тех пор, боже мой!

Пойду, поищу на «Орбите» себя молодого,
Но где же дорожка?.. Там спальный район.
Чужое здесь всё, не реальность, не сон...
И кто-то окрикнул, мне слышится: Вова!..
Да нет же, ошибся, девчонка с мальчишкой
В машину садятся... Реально так слишком

Знакомый я голос услышал..., беда!..

Печальна и в радость дорога сюда.

Другу

Водка с конфетой на крыше сарая,
Так друга на службу я провожаю...
И в памяти вслед пережитое всплыло,
Есть в ниточки той неизбывная сила,

Ожить эпизод этот плёвый помог,
И с горочки будто скатился клубок...
Тридцать пять узелков отмотаю назад
В молодость нашу, и встретиться рад,

И страшно она далека!.. Где-то рядом
Гуляет сама по себе, и не надо
С тоскою печальной её окликать.
И всё же рискну я. С чего бы начать?..

Как в горы ходили, как свадьбу играли,
Как были артистами, пили, гуляли,
Иль вспомнить Хабзас?.. Постепенно
Былого картинки выходят на сцену.

Бригада, концерты и танцы, поездки.
Белов, Королев и Цыбин, и Терских,
Таня и Вера, Зина и Оля, и Маша...
Милая, глупая молодость наша!..

Помнишь?

Одно время, и место одно, а бывшее
У каждого лично своё, параллельно,
На части как будто разъято пилою,
Хроника памяти в кадрах отдельно,
Исчезло, развеялось, стало золою.

И не получится: Помнишь? А как же!
Конечно же помню от первого дня.
С годами забыл я – это ты скажешь,
Капризная память, подводит меня,
На схожее в шутку ли ложно укажет.

По тем же ходили мы улицам рядом,
И в ту же бежали мы в школу учиться.
Ты помнишь меня? Ну конечно. Я рада!
И прошлое светом в душе озарится,
Кусочек потерянный только и надо.

Мгновенья памяти

Расколотость полотна и части
Дуновеньем порхают небрежно;
Так посуда из рук – на счастье,
Или в стену комочком снежным.

Обессмертить мгновенье словом,
Собирая брызги цветные детства,
Тем придать им порядок новый,
Душе-страннице приодеться...

Вот увидел себя мальчишкой,
От мороза румяные щечки.
Шапка, шарфик, на вате пальтишко.
Я – охотник, солдат и летчик!..

Ногу выше, тяните носочки!
Раз-два, раз-два, левой, раз!
Я шагаю по лужам и кочкам.
Я курсант, и дом мой – плац.

Ромб в петлице, костюм с лавсаном.
И прощальный студенческий бал.
Выпускник. Инженер.... Как странно!
Новизны впечатлений шквал...

Ряд станков. И начальство. И планы.
Суета! И нервозность: давай!..
Мне опять удивительно странно,
Роль чужую как будто играй.

И расколота вся картины...
Брызнет память струёй огня.
Нет для грусти моей причины,
Отпустила бы память меня!..

Роман

Роман наугад открываю. Страница
Вот эта о том, как я начал учиться.
Студгородок на горе над рекою...
Это потом. В другом месте открою,

Где через год умудрился жениться.
До боли мне памятна эта страница.
Её я читал многократно, вникая
В каждую строчку, урок извлекая.

Что толку! – записано это навеки.
Факты другие храню в картотеке,
Сам на себя составляю досье
Из откровенных с душою бесед.

Ладно, поехали дальше, листаем!
Роман наугад по странице читаю.
Но почему не читаю подряд?
Не всем эпизодам бывшего я рад.

Реальность и память, несхожие вещи,
Что-то забылось, другое же резче
И чаще приходит, как совести голос.
Вот, например, вспоминается школа:

Товарищи, пропуска, двойки, уроки...
Чуть приоткроешь страницу, потоки
Воспоминаний!.. Четыре десятка
Минуло, забыть бы да память загадка,

Вытащит вдруг на поверхность такое!..
Есть целые года – одною строкою,
Как день. Погоди-ка, вот здесь интересно:
Целуюсь я с девушкой. Было чудесно!

Горная речка. Валун. Тишина...
Самой красивой казалась Она...
Что было потом? Пропускаю, неважно.
Открою другую страницу отважно.

И снова попал, что за черт, на интрижку!
Все тайны мои не выбалтывай, книжка.
Ну, было, признаюсь, об этом – молчок!
В последней главе для себя приберег,

Как старым я буду, пикантные вещи,
Когда я устану, и жить будет нечем...
А пока открываю роман наугад.
Так интересней!.. Довольно, я – рад!

Старый дом

Сорок лет – одно мгновенье
Небесам, а нам – судьба.
Встречи радости томленья,
Память прошлого раба.

Подхожу, гадаю, где же
Дом и двор, подъезд, этаж.
Узнаваньем скорым брежу,
Возбуждаю эпатаж.

Что я вижу? Двор гадюшник,
Дом облезлый и чужой...
В детство мне вернуться нужно,
Не могу попасть домой.

Здесь вот маму с папой вижу,
Здесь играл я малышом...
Подхожу всё ближе, ближе,
Тот, не тот ли этот дом?

Из окна виднелись, помню,
Парк, дорога, пустыри.
Может быть не в этом доме?
Здесь! Уверен. Не дури.

Вкруг да около слоняюсь,
По ступеням вверх к дверям,
На забывчивость пеняя,
Озарит, быть может, там?

Наша дверь была направо,
Или прямо? Прямо – да!
Справа жила тетя Клава,
К ней ходил я иногда.

У неё был телевизор,
Иль на первом этаже?..
Дверь поуже и пониже,
Я запутался уже...

Ничего! Мальчишка малый,
Пятый год плюс сорок лет.
Глаз слезою щиплет жалость,
Дым ли щиплет сигарет...

Уходить пора. Довольно!
Медлю, медлю, но зачем?
От тоски ведь сердцу больно,
Я нашел тут только тлен...

Судьба река

Смотрю на собственную жизнь,
Как ручеек рожден вначале,
Мне память скажет, оглянись,
Ручей рекой умчался в дали.

Из лона матери родник
Пробил наверх себе дорогу,
Пока он слаб, к камням приник,
И креп и рос там понемногу.

Его питали дождь и снег,
А солнце летом иссушала,
Но всё же он продолжил бег,
Мечта о море побуждала.

Встречались малые заторы —
Сухие ветки, листьев горсть,
Сквозь них просачивался спор;
Стоять в низинах довелось.

Ручей разросся скоро в речку,
Что в гальке голос подает,
И в затишках камыш как свечи,
Всё шире русло, больше вод.

Однажды встретилась другая
Река, так близко за горой,
Успел он крикнуть: Дорогая!
Сливайся водами со мной.

Она шумнула водопадом,
И убежала прочь одна:
С тобою встречей очень рада —
В порогах крикнула она.

А речка сделалась рекою,
Легко катает валуны,
Всё рвется к морю, беспокоясь,
И воды будто бы пьяны.

Река сама и не припомнит,
Как влилась девица-река,
И глубже, шире стало в доме,
И ниже берегом бока.

От русла общего в равнине
Отлился маленький ручей,
И сам себе бежит отныне,
Как будто он совсем ничей.

Путь загораживают горы,
С налета бьет река в скалу,
Два рукава находит скоро,

Нарвались воды на пилу.

И горы скалами разбили
Реку единую на две,
Одну в долину пропустили,
В ущелье течь другой, на дне.

Судьба не речка, но похожа,
На карте если прочертить,
Понять ли жизнь она поможет,
Судьбы увидеть в целом нить.

Немного философии

«В ментальном теле выйти за пределы
Привычно зримого физического мира».
Как в дверь наружу выйти из квартиры,
Так, просто погулять, или по делу...

Да, в словарях слова такие существуют,
Мы что-нибудь да слышали о них,
Для нас же информация – впусую,
К тому же с ними не лиричен стих.

Что значит выйти за пределы, нам знакомо,
В ментальном теле выйти, это же абсурд!
Коль выхожу за дверь, всего меня нет дома,
Скажу, что вышла часть, уже точно не поймут.

Слова менталитет, ментальный взяты из чужого,
В словарь толковый нужно заглянуть,
Чтобы понять, что значит это слово,
Пока уловишь смысл, можно и уснуть.

Менталитет есть склад ума и мироощущенье,
Ментальное же тело – значит тело мысли,
Или сознание как «Я» во всех его течениях,
Десятки есть значений, всех не перечислишь.

Вернемся к фразе, что вначале изложения:
«В ментальном теле выйти за пределы
Физического мира». Есть ли возраженья?
То есть, я в форме мысли выхожу из тела

В особый мир, невидимый для глаза
Физического тела, но видимый духовно.
Для нас, вы скажите, бессмысленная фраза,
За кем-то повторяешь ты дословно,

А сам не осознал того, что говоришь.
И правильно, нет опыта вне тела,
Во сне гулял повсюду только лишь,
И опыт сна не отнесешь к такому делу.

Эзотерический порою смысл сложен,
Там тело дробится на несколько иных.
Я утомил вас не стихами, подытожу,
Бываю я лиричен, где-то просто псих.

Чем кончится

Не знаю, чем всё это кончится,
Уверен только лишь в одном,
Хоть умирать мне и не хочется,
Забудусь крепким долгим сном.

Проснусь ли я опять рожденный,
Иль сон не сон, а просто смерть?
Я верю в Бога некрещеный,
К чему кресту на мне висеть?

Он не висит, но давит плечи —
Ошибок груз, ума застой...
А путь земной всегда конечен,
Терпеть весь век, ах, боже мой!

И ждать, и верить, убегая
От передряг и нищеты...
Чем всё закончится, не знаю,
Довольно веры и тщеты!

Не день, не месяц — годы схожи,
Чуть различимы близнецы.
Себя кормил я сладкой ложью,
Как лгут бумажные цветы.

Любовь не может так лукавить,
Её не купишь, не продашь...
Слова фальшивые отравят.
Любить, страдая, скажут: блажь!

И круг спасительный соломка
Тебе покажется бревном...
Слова признанья нервно комкать,
И думать, думать об одном:

Как хорошо жилось на свете,
Когда мечтал я о любви!..
Призренье слышится в ответе:
Я не люблю!.. Теперь живи,

Живи в надежде и как можешь,
Как хочешь, что ни говори!..
Твоя ли жизнь тебе дороже,
Иль пусть любовь уж догорит.

Не знаю, чем всё это кончится,
Уверен только лишь в одном:
Любить любимым снова хочется,
Забыться с милой крепким сном!

Случайные мысли

И, кажется, что обо всем подумал,
И вдоль и поперек бывшее пропахал.
Не весел, не печален, не угрюмый,
И не хороший, не плохой, не идеал.

Стихи пишу – нелепая случайность,
Не дорога, и дорога текущая минута,
Себя я не терял, ищу себя отчаянно,
Тревожный я, спокойный – нет уюта.

И не ищу любви, душе – потребность,
И если весел внешне, в сердце грусть,
И одиночество в компании целебно,
И обо всем подумал, думаю, и пусть!

В какой-то степени искусство есть игра,
Игра души, ума и чувственных влечений,
Оплодотворенная молоками икра
В струях ручья невидимых течений.

Когда спокойно смотришь на извивы
Тобой в полвека пройденных дорог,
Сентиментально думая, счастливым,
Казалось, был, но явно быть не мог.

Вкус, обостренный в молодые годы,
И гамма чувств невинной новизны,
Ничем пока еще не взмученные воды,
Разочарований нет, обиды, нет вины.

Как тайный грех тот поцелуй секретный,
Томление чувств, пока что бессловесно,
Ты любишь – не поймешь, и безответно,
Фантазий рой, и радость с грустью тесно.

Когда с тревогой смотришь в неизбежность,
Что за спиной вся жизнь, и рядом водопад,
В тебе любовь пробудит к жизни нежность,
Всех дней и лет былых прошепчет парад...

Прекрасная осень

Хорошее время – прекрасная осень,
Листва опадает, и в роще свободно.
Душа успокоилась, страсти не просит,
Думай, что хочешь, живи, как угодно.

С тихую грустью, и нежно, и вольно
Можешь открыто любить как угодно,
И от любви той и сердцу не больно,
Душа и от страсти незрячей свободна.

Хорошее время – короткий отрезок,
Плоды созревают, стихает природа.
И ум в утешенье взрастил антитезу:
Влюбленному впору любая погода.

Спадает завеса иллюзий тумана,
Брожение осадком ложится на дно,
И от свободы над пропастью пьяный,
Ты осени пьешь ненасытно вино...

Совесьть

Совесьть – мерило божье,
Убить её невозможно...
Спрятать куда подальше,
Заменить её ложью и фальшью —

Запросто, было б желанье.
Но совесть как птица Феникс,
Стоит за спиною тенью,
Юной приходит под старость,

Душа возгорится пожаром,
Все вспомнишь свои огрехи!
Совесьть – не для потехи,
Совесьть, оно мерило,

Несокрушимая сила,
Нельзя от неё отмахнуться,
Без совести каждый куцый.
Совесьть – не надзиратель,

Самокритичный взыскатель,
Свободная наша воля,
Напомнит душевной болью,
Если забыли мы совесть.

Суть в этом и важном слове —
Нравственность и добродетель.
От нас совестливы дети,
Бессовестны – тоже от нас!

Мечта

Мечта, мечта, ты слаще мёда,
Не воплощаешься ты сроду,
Такой, как будто бы из сказки,
Уму ты строишь мило глазки,

И сердцу сладкое томленье,
Наркотик, бред и наважденье.
Мечта, останься все же мечтой,
Мудрец мечтает ли святой,

Не может всех он осчастливить,
И в добродетельном порыве,
С добром приносит он и зло.
Любви душевное тепло

Любого сделает богатым.
Христос надеялся распятый,
Собою, жертвуя за всех,
С души снимая смертный грех,

Мечтой навечно одарил,
Две тысячи лет огнем светил.
Мечта – заманчивое чудо!
Святой мечтает и убожодок,

На то имеет каждый право,
Чтоб процветала и держава,
Чтоб мама с папой были живы,
Ребенок каждый был счастливым,

Чтоб уничтожить всех врагов...
Могу добавить много слов,
А жизнь идет своим путем.
С судьбой в обнимку мы пойдём

К мечте навстречу золотой.
Мечта, мечта, ах, боже мой!

А вот фиг вам!

Чем больше жизнь меня колотит,
Тем на душе моей светлей,
Пусть больше недугов у плоти,
Тем и страдания милей!..

И оглянуться не успел я – старик!
А где же молодость? Пропала!
Не загрустил, в тот час и не поник,
Лет впереди еще немало!..

Налью я водки полстакана,
И хряпну!.. Вашему здоровью!..
Сегодня хочется быть пьяным...
А смерть с рожденья наготове.

И коли жизнь меня колотит,
Так, значит, любит, помогает,
В мечтах, хочу что, мне воротит,
Я мудрость болью постигаю!..

Друзья, которые забыли,
И те, возможные друзья,
И те, что мне и не простили,
За вас!.. Иначе жить нельзя.

Путь будет хуже мне, привычно!
Я улыбнусь, не вытру слёзы,
Скажу: Нормально, всё отлично!
А остальное просто проза...

С иронией

Когда отпустишь руку вольно
Писать диктуемые строчки,
Читатель думает, что школьник
Рисует крестики, крючочки.

В наборе фраз нет ясной мысли,
Слова взаимно не притерты,
И в неподвижности зависли,
И стих с пера сольется мертвый.

Продукт казался скороспелый,
Иль не прожаренный пирог.
Душа по-своему мне пела,
Я записать лишь ей помог.

Но хуже, если ум берется
Строк пару-тройку сочинить,
Как черпать воду из колодца,
Где нет воды, но жажда пить

Ведро на дно спускает вновь,
Чтоб зачерпнуть песка гнилого.
Но вот когда вскипает кровь,
Душа дает мне ливни слова,

Да редко камушек сверкнет
На солнце, влажный от полива;
Когда душа свободна и поет,
Она в тот час мила, игрива!

Но песня спета до конца,
И ум, наполненный словами,
Ключей не сыщет от ларца,
Где вдохновенья дремлет пламя.

Так и живут, не соглашаясь
Соединиться в нужный миг,
И редких праздников лишаясь.
Один молчит, другой же в крик,

Умолк второй, болтает первый,
Не замечая, что в пучине
Сокрылся демон, держит нервы
В своих руках, и правит ими!..

Бомж

Меня, брезгливость подавив,
Как вещь, нашла в помойке?..
Я на свободе только жив,
Тряпье в подвале – койка.

Нужна ли жалость мне твоя?
Стократ, скажу, противна!
Судьбу такую выбрал я,
Дышать свободой – дивно!

Щетиной грязной пусть зарос,
И вши – мои подружки,
И на башке лишь прядь волос,
А шапка-рвань – подушка...

Когда-то женщину любил
До умопомрачения,
Всё ей отдал, себя забыл
Во власти наважденья.

А ей всё мало, дай и дай,
Дай шубы и квартиру.
Мне ад земной, земной ей рай,
Коль сотворил кумира.

А чрез семь ужасных лет
Я вдруг прозрел мгновенно:
Я просто раб!.. С ней спит сосед.
Решил бежать из плена...

И пусть неделями не ем,
И мерзну до икоты,
В постели нежиться твоей
Мне всё же не охота...

И почему, спрошу, сама
Осталась без супруга?
Свела упрёками с ума,
Иль помер от испуга?

Или сбежал к другой, в тайгу
Из самосохраненья?..
И я, как он, с утра сбегу,
Совсем без сожаленья.

Останусь если у тебя —
Как раб, должник, наверно?
Нуждаюсь я в простой любви,
Не в жалости презренной.

Гимн оптимиста

Встану утром, потянусь,
Не пушу на сердце грусть,
Включу радио «Шансон»,
Без следа развею сон

Беглой легкою зарядкой,
То носки подняв, то пятки,
Бутерброд запью я чаем,
И душа уж не заскучает,

Под нос песенку мурлычу,
Сам себе я симпатичен!..
День прекрасный выходной:
Не поссорился с женой,

Не напился накануне,
Не пускал по пьянее слюни.
Все прекрасно, я доволен!
Пробежать на дачу, что ли,

Прихватив с собой чекушку?
Накукует мне кукушка
Лет еще так пятьдесят...
На меня глаза косят,

Мол, мужик с утра хмельной,
Говорит он сам с собой,
И улыбка до ушей,
Хоть завязочки пришей.

Мне сегодня хорошо,
Я не нюхал порошок,
Я сегодня оптимист,
Словно мне вручили приз!

Мурлычу себе

Мурлычу под нос себе что-то такое,
Песни без слов, будто мне хорошо,
Душа не обманет меня, что в покое,
И даже когда мне подсунет стишок.

В невидимый мир незапертые двери,
Можно туда просочиться в мечтаньях,
Можно и в сказку на час, но поверить,
Можно назначить и встречу-свиданье,

Вот только потом тяжелее вернуться
В реальное время текущих событий.
Песни без слов непременно найдутся
Душе одинокой в хорошем подпитии.

Мурлычу невнятное, думаю думаю,
О чем же, и мне самому не известно,
Я не беспечный душой, не угрюмый,
Судьба что затеяла, знать интересно.

Остров Сахалин

Где он, остров Сахалин?
Я ищу на карте...
Затерялся между льдин,
Прячется в закате?

Говорят: Дальний восток.
Там и солнце всходит,
Как каблук Российских ног,
Оторвался вроде.

Вот он, остров – ржавый гвоздь,
Отделен проливом.
Для него не просто гость —
Здесь рожден счастливым.

Где ж район-то Лесогорск
И поселок Горки?..
Этот остров, где я рос —
Край земли, задворки.

Но недолго, года три —
Это разве сроки? —
Увезли на Материк,
В Красноярск далекий.

Но я чувствую душой,
С ним навеки связан,
На побывку б хорошо,
Съездить я обязан.

Может, там я и не жил,
Не рождался даже,
Нептун остров утопил,
Остров лишь бумажный.

Я куплю туда билет,
Путь обратный долг...
А района больше нет,
И сгорел поселок...

Папа спит

Пятилетний мальчишка осознает
Себя в городе большом и страшном.
Видит, в небе летит самолет,
Тянет ручку ребенок напрасно.

А во сне самолет тот упал на ладонь —
Теплый маленький, словно игрушка;
Мчит галопом норовистый конь,
В страхе мальчик вцепился в подушку.

Мама с папой, сестренка и братья —
Все в одном разместились жилье:
В центре стол, а по стенам кровати,
Из окна виден парк и Дворец...

Едут летом в деревню на волю.
Будет папа на стройке трудиться,
Отдохнут брат с сестрёнкой к школе,
С сентября им обоим учиться...

Для семьи дали дом брусовой,
Под окном палисад. Крытый двор.
Долго дом простоял нежилой.
Пол помыли и вынесли сор...

Во дворе на веревках качели,
А за домом большой огород...
Пару месяцев так пролетели,
И семья в мире-счастье живет...

Ночь. Темно. Будит мама детишек:
Собирайтесь! Мы едим домой...
Вот машина подъехала, слышат.
Папа пьяный сегодня и злой...

Шестимесячный крохотный братик
Неустанно и нудно орет —
Среди ночи подняли с кровати.
«Эй, заткните крикливому рот!»

Папа злой, папиросы ломает,
Всё не может никак прикурить.
Вещи мама спеша собирает:
«Я прошу, дорогой, не дури!...»

Он один остается в деревне.
Не поймет ребяшня ничего:
Не достроил еще? Ждет он денег?
Не пускает начальник его?..

Никаких объяснений, торопит:
Быстро в кузов, не будут нас ждать!
И целуя малюточку в лобик,

Просит баба его поддержать...

Вот машина летит по дороге,
В крытом кузове страшно сидеть.
Мама злится, орет, вся в тревоге,
И в окно не дает посмотреть...

Да, я помню тревожное время.
Пятилетним что мог понимать?!
Ясно вижу, как в кузове едим,
Как баюкает братика мать...

Как пришла незнакомая тетка —
Весть дурную она принесла,
Как вопила в истерике в глотку
Мама после, как гостя ушла...

Вижу гроб, а в нем спящего папу.
Жутко так мне к нему подходить.
Почему-то не хочется плакать...
Посетители вносят венки...

Я за дверью в углу, где игрушки,
Наблюдаю, как подняли гроб.
Прощайся! — мне шепчет старушка, —
Поцелуй папу, деточка, в лоб...

Я боюсь!.. Не тащите, не надо! —
Прячусь снова за дверь поскорей.

Несмышленный ты, Вовик, ну ладно...
Четверых ведь оставил детей...

И старушка соседка уводит
К себе в комнату: Будем вдвоем...
Как ты мог удавиться, Володя!?! —
Всё бормочет под нос о своем.

Все ушли. Опустела квартира.
«Выйдем что ли, на двор, поглядеть?..
Ах ты, маленький бедненький сирый!..
Вот и некому больше жалеть...»

На дворе грузовая машина,
И откинута вниз все борта.
Гроб подняли на руки мужчины.
Говор тихий. Венки. Суета...

Вот и двор опустел. Напоследок
Крестят воздух и в землю поклон.
Листья желтые падают с веток.
Стар и млад возвращается в дом...

Сорок с лишним годов упорхнули.
Что теперь мне бывшее жалеть?..
Не узнаю я дом и тех улиц...
Всех рассудит по-своему смерть...

Помощь районо

Пальто – на два размера,
А валенки – на три.
Зовут меня примерить,
Чтоб радость подарить.

Директор восседает
И тётя из Районо,
Сгораю от стыда я,
И в горле стал комок.

«Примерь, сыночек, пару,
И пальтецо примерь» —
И вдруг я стал так жалок,
Разверзлись снизу твердь!

Как Филиппок Толстого,
Как лилипут одно, —
«Носи ты на здоровья,
Благодари Районо»

Спасибо – как из гроба, —
Мне можно на урок?
Кивает мне особа,
Как твари сверху Бог.

И в класс тащусь с поклажей,
Смешки и шум волной,
Как будто я с проказой,
Несчастный и больной.

Четыре раз по десять —
Я помню, как сейчас,
«Подарок» тонну весил,
Когда входил я в класс.

Злые игры

Бомбу сделать легче простого:
Карбиду в бутылку насыпать горсть,
Воды из лужи, затычку – готово!
Все в рассыпную – гранату брось!

Стройка рядом, карбиду навалом,
Бутылку пустую, найдешь всегда.
Была у нас в детстве такая забава,
Да, много она приносила вреда.

Храбрится пацан, не бросает сразу,
Бомба в руках – бах!.. и осколки
Вонзятся в живот, по рукам и по глазу...
Ругай не ругай пацанов, всё без толку.

Или порох в бумагу, поверх изолентой,
Спичек накрошишь и чирк коробком!..
Игры такие – опасные эксперименты,
Часто к травмам приводили потом.

Вот пугач, например, это трубка медная,
Сплюснуть конец молотком и согнуть.
Штучка опасная и очень вредная,
А пацанам развлечение девчонок пугнуть.

В то время такие забавы и игры детские
Считались за доблесть среди пацанов...
Забытые напрочь те годы советские,
И клич пионеров: «Всегда будь готов!».

Рыбалка

У дяди поплавок то и дело ныряет,
Рыбы натаскал с полведра, не меньше.
Червей то и дело скармливал зря я,
А в ведре одна только рыбка плещет.

Комаров вокруг тьма-тьмушая,
Пищат возле уха и больно жалят.
Толи у дяди была удочка лучше,
Толи черви крепче держались.

Клюёт!.. подсекай проворней,
И не дергай удочку, вот меня
Дядя учит и с досады стонет,
Не так нанизывать надо червя!..
Поплавок нырнет чуть в воду,
Подожди, а потом осторожно тяни.
Очень просто, видишь, Володя!..
Хитрость маленькую пойми...

Высоко уже солнце, трава росой парит.
У меня улов весь на дне рыбок с пяток,
Ельца с ведро шутя наловил старик...
Разменял я тогда лишь девятый годок.

Персик

С авоськами шли с магазина
Я, мама и маленький брат.
«Попробуй-ка персика, сына» —
Подарку такому он рад.

И мякоть на землю бросает,
А косточку хочет разгрызть.
Слеза на глаза набегает
У мамы: «Сыночек, вернись.

Что бросил на землю, то — кушать,
А косточку выплюнь, не ешь...».
Поднял, удивленный из лужи
То персик, румяный и свеж.

«Мы дома от грязи отмоем, —
Свернула бумажный кулек, —
Немалую денюжку стоит...
На, яблочко, скушай, сынок».

Не знал пятилетний мальчишка,
Что в персике мякоть едят...
Да, редкие сладости слишком
В детстве мы видели, брат!..

Мы с другом

Хакасские степи лежат между гор.
Что там за рекою? – затеяли спор
Друзья, и решили устроить поход.
Идут и идут час за часом вперед.

Зеленой полоской их манит тайга.
Выбрана цель: не достигнем пока
Заветного леса, запалим костер...
И разрешится наш давешний спор

А лес и не думал расти в небеса —
То саженцев кедра шумит полоса.
Вошли, а верхушки по пояс, плечо.
Они рассмеялись, им всё нипочем!

Но тайна открыта, достигнута цель.
Пичуги приветствие слышится трель.
Вернулись. Устали, довольны собой.
И снова уж спорят: а что за горой?..

Далекie горы, а там что найдем?..
«А завтра в разведку, Серега, пойдем?!»
И снова в поход устремились друзья,
И этот с успехом предел ими взят.

С горы и на гору, уставшие, все же идут,
Нелегкий романтики юности труд!..
Уж вечер, а горы не знаю конца...
Там дальше темнеют как тайна леса.

«Сереге, пора возвращаться домой,
С утра мы протопали, сколько с тобой».
Назад путь тяжелый, был легче вперед...
Я помню походный счастливый тот год.

Окрестности все мы излазили с другом,
На север, на запад, ходили и к югу.
Судьба развела меня с ним навсегда,
В разных живем мы теперь городах.

Сгущенка

По копейке – сорок восемь,
Как раз на банку сгущенки.
Мы с братом в ту самую осень
Пили молоко струйкой тонкой.

По троечку, по десятику у мамы тырил,
Да пустые бутылки, копеек по восемь,
В «стеклотару» сдал штуки четыре,
Всё подсчитал – ровно сорок восемь!

Пьем, блаженствуем, праздник что надо!
И к чему бы это, а ссора случилась:
Ты пьешь дольше!.. Нет – ты!.. И радость
Как вода молоком замутилась...

Вечером мама с работы приходит,
Я во двор, как нашкодивший кот...
Не ругаясь, сказала: Не надо, Володя,
Брать без спроса, не кради наперед...

Первые стихи

В авоське учебники переплелись,
Углами в ячейках топорщатся...
От волнения губы до боли бы сгрызть,
Как похвалы и поддержки хочется!..

Со стихами робко тетрадь подаю,
Мол, скажите, пожалуйста, слово учителя...
Душа и сердце в восторге поют,
Окрылите надеждой поэта-любителя!

«Завтра я жду тебя вечером, можешь?..»
Небрежно тетрадку бросает на стол,
Там, где другие стопками... Боже!..
Влепит мне двойку, с ошибками, мол.

Так и случилось: «Прочла я страницу,
А дальше читать не хватило мне сил.
Так откровенно писать не годится...
Ты русский язык очень плохо учил».

Спасибо! – и стыд опалает мне щеки,
Тетрадку я рву на клочки беспощадно.
Помнится, год переломный далекий
Всю жизнь, но учителю я благодарный.

Каменный пояс

На седом Урале
В городе Кургане
На прощанье пили
Водку дембеля
Ну, прощай, Володя!
До свиданья, Саня.
Я хоть из Сибири,
А тебе земляк.

Мчатся эшелоны
На восток далекий,
Рекруты в вагонах,
Воинства потоки.
Можно с вами в поезд? —
Подхожу к майору.
Пригласил рукою:
Отправленье скоро.

А в вагоне тесно,
Что селедок в бочке.
Молодым же лестно
Со служивым ночку
Скоротать совместно.
Угощают дружно —

Расскажи нам честно,
Что нас ждет на службе?

Говорю, что знаю,
Говорю, что можно,
Всех сторон касаюсь,
Мол, служить несложно,
Следуя уставу...
И альбом – по кругу,
Где на фото бравый
Я в обнимку с другом.

Ну, пока, ребята!..
Вам удачи в службе.
Пью вино остаток,
И – айда наружу!..
И рукой с платформы
Помахал: Удачи!..
И оправив форму,
Зашагал я к счастью...

Арадан

Комары на чужака тучей,
Отбиваюсь от них веткой,
Уведи меня из тайги лучше,
Степняки мои были предки.

Пожалела, и сводит на берег
Мелкой, но шумной речушки.
Комары, говорю ей, как звери,
Искусали до самой макушки.

Одинокий мужчина в броднях
Выше нас по теченью удит...
Хорошо нам вдвоем сегодня,
Тот валун на реке не забудем.

Как ты мог

Как тяжело мне, что вот осталась
Одна совсем, и четверо детей!..
С твоим уходом жизнь моя пропала,
Любимый мой, и подлый змей!

Что ты наделал? Как ты можешь
Уйти, убив себя, семью оставив!?
И злость с обидой сердце гложет,
Так поступить ты был не вправе...

Как дальше жить, скажи на милость,
Одна детей я разве подниму?..
Любимый мой, чего тебе не жилось,
Какой пред Богом грех, я не пойму...

Ну что ж!.. Детей я не оставляю,
Пусть тяжело мне, я вытяну, стерплю,
Печаль свою я в гордость переплавлю,
Пусть предал нас, но я детей люблю!..

Твои три сына, дочь, кровинка от тебя,
Пусть ты ушел, но ты остался с нами...
Детей я подниму, я – мать, и их любя,
Отброшу боль, спеку я нервы в камень.

Ты в землю лёг, а обо мне подумал?..
Мне тридцать пять, кому вдова нужна?
Как ни крути, а надо жить!.. И эту думу
Отброшу!.. Да – вдова, навек твоя жена!

Мамин день

День обычный, июнь, понедельник,
Сколько было таких и забытых...
Архивариус Время и Мельник,
Хроникёр не семейного быта.

Этот день не обычный для мамы:
День рожденья. Тебя поздравляю!
А в любви не признался бы прямо
Ей при жизни. Пусть пухом земля ей...

А умел бы, большую поэму
Посвятил бы я подвигу Мамам!
Да, простая и трудная тема,
Вечной жизни земной панорама.

Четверых она грудью вскормила
И одна воспитала без мужа...
Лишь любовь придает столько силы,
Только мать не сломается, сдюжит.

И лежат они с дочерью рядом...
Дочь с улыбкой взирает с плиты,
Мать же хмурится, будто не рада;
В землю воткнуты пестро цветы.

Муж и сын были очень похожи
Даже в смерти, не только лицом,
Тем любимей они и дороже...
Кто же выйдет встречать на крыльцо?

Двое братьев идут по дороге,
А за ними гурьбой малышня.
Так назначили, видимо, боги
Род продолжить его и меня.

Отчего же сегодня так грустно
В день рождения мамы моей?..

У МОГИЛЫ

Галина, доча, сядь со мною рядом,
Поговорим... винить себя не надо...
Твои вон дочки разные.... Одна,
И нынче с мужем пьяная она.

Твоё плохое взяла по наследству:
Не молоком её поила с детства,
Когда валялась пьяная опять...
«Не тереби мне душу, мать!..»

Прости мне доча, вылетело слово.
Держали с Ванькой вы тогда корову,
И порося в сарае завелись...
«Да, мама, вот такая штука жизнь!..»

Что не жилось с Иваном мне, дурная.
Когда спилась, сама не понимаю.
И баню, он построил, и сарай.
Тайга и горы рядом, просто рай!»

Твоё хорошее взяла в наследство Анна,
С утра до вечера хлопочет неустанно.
И Алексей под стать её, такой же...
В Пospelова-отца пошел Сережа.

Уж сколько довелось с ним повозиться!
Он первый внук... Приспичило жениться
На той, что хуже всех среди девчат.
Как вечер – пьют, и до обеда спят...

Ах, доча, нынче что-то я ворчлива.
Вот мы с тобой в земле, они пока что живы,
И слава богу, пусть себе живут!
Сам Бог и совесть сотворяет суд.

«Ах, мама! Внучка, Галочка моя!..
Её не нянчила, не баловала я...
Она ведь после, помнишь, родилась...»
Невестка Люся как-то приходила

Убрать могилки... о Гале говорила.
Живет она в чужой семье, но славной.
К ней Аня ездила узнать, что как недавно,
И говорит, что всё у неё в порядке.

Жизнь на земле трудна, но и в земле не сладко.
«Мам, я прошу, прости меня, родная!..
Ивана рядом нет, лежу в земле одна я»
Прощаю, дочка, и ты меня прости...
Поговорили вот, прилечь назад пойти...

И тишина наступит гробовая...
Мать с дочерью сидят вот так бывает

На лавочке, где две могилы рядом.

И я на эту лавочку присяду,

Послушаю, о чем они шептались,

Родная мама и сестренка Галя.

Мама, мне больно

Рядом в гробу
Деревянном местечко,
Мама, найдется ли мне?
Вова, сынок,

Пока бьется сердечко,
Будем встречаться во сне.
Мама, мне больно,
И горько, и плохо,

До срока возьми одного.
И вновь отвечает
С протяжностью вздоха:
Здесь худо и сыро,

Противно, темно.
Живи, как живется,
И радуйся малым,
И Бога, прошу, не гневи.

Любила я вас,
Но от вас я устала,
Бессмертие – в вашей крови.
Отец ваш – мой муж, —

С ним в единое слились.
В гробах только кости, ничто.
А к нам не спеши,
Пока дышишь и в силе...

Мой дух

Мой дух, ты пристально за мною наблюдаешь,
Или скучая, изредка заглядываешь в разум
В надежде нужных обнаружить изменений?
По-твоему, учусь я жить, а вовсе не страдаю.
Вопрос, испуганный бессмысленностью фразы
К тебе как муть со дна дойдет недоумением.

Мой дух, мы говорим с тобой на разных языках,
Лишь для тебя корысть в любом звучанье слова,
Не в чувствах сердца и души, умом произносимо.
Мне тягость век, тебе покажутся мгновение века,
Ты не торопишься, и ждать миллионы лет готовый,
Мне боль физически дана, она в тебе не ощутима.

Не вернуть

Конечно же, простил, а прежних отношений,
Увы, назад никак к тебе вернуть не удастся,
Эмоций голоса в душе слепых упреков тени
Потребности любить накрыли свет. Зачтется

Хотя бы то, что я простил, просил прощенье.
А радость редкий гость, спокойствие печали,
Хотелось бы шутить, но выйдет так серьезно,
Что с уст слетит улыбка, взгляд огнем опалит.

Мне легче промолчать, сорвусь неосторожно,
И чтоб потом глаза с упреком не встречались.
Как хочется совсем стереть минувшее плохое,
Что невозможно, знаю, и лучше бы исправить

Через прощение взаимно, могут только двое,
Решать не мне, и за тебя судьбу твою не вправе
Менять, ошибочно решение предвзятое любое.
Эмоции учителя для нас, и нами часто правят.

Утраченный напиток

Для чистоты отсечь, фильтруя
Потоки мыслей, ложный голос,
Искусства чувственные струи
Души смогу ль слышать соло?

Хор голосов преобразится
В одну тональность, звук высокий,
Бальзамом вволю мне напиться,
Очистить чувственные токи.

Новорожденный непорочный,
Как дух космических глубин,
Я обрету живой источник,
Какой иметь мог божий сын.

Но неизбежное паденье
На твердь, одежды уплотняя,
Исполнить волю провиденья,
Себя я грешным осознаю,

Хотя бы тем, что был зачатый
И в плоть земную привлечен,
И за порогом сбросив святость,
Я за реальность примял сон.

И отсечен навек забвеньем
От бесконечных воплощений,
Пройду сквозь личные боренья
Греховных помыслов влечений.

И струи чистые смешались
С водою мутной и тяжелой,
И ум с душой накрыты шалью,
Пристать покуда у престола

Срок подойдет, до этих пор
Мне нужно снова научиться
Потоки мыслей, ложный спор
Унять, амброзией напиться.

Решение простое

Всего-то надо нам поговорить,
Эмоции оставив напоследок,
И за полночь, а может, до зари
Пройти еще раз памятью по следу
От первых дней до этого стола,
Понять куда тропинка завела.

Мне кажется, решение простое,
Понять друг друга надо постараться,
И высказать, что душу беспокоит,
Упреками взаимно не кидаться,
Но от души попробовать простить,
Всего-то надо лишь поговорить.

Давай-ка выпьем рюмочку вина,
Отметим нашей свадьбы годовщину,
Пусть пропадет незримая стена,
Что женщину сокрыла от мужчины.
Пробить её мы можем с двух сторон,
Иль разделенные, за нею пропадем.

Всего-то надо нам поговорить,
Мне кажется, решение простое,
От часа этого до самой до зари,

И высказать, что душу беспокоит,
Пусть помирят нас рюмочка вина,
Исчезнет пусть незримая стена.

Выбор наш

Пусть лучше служат пищей к творчеству страдания,
Чем душу жгут страдания от надуманных причин,
Прощай рождает боль, дает надежду до свиданья,
Не от потерь в лице скопить – от радости морщин.

Пусть друг останется один, чем тысяча фальшивых,
Мир на двоих его в тиши любить в краях уединенья,
Души пусть страсть горит в таинственных призывах,
Где годы дней текут вне времени и вечное мгновенье.

Пусть лучше уж мечтать, чем постоянно злиться
На что-то и кого-то, что цель опять недостижима,
На горизонте не войны пожар пылает, а зарница,
Вперед не роком бед и боли, романтикой гонимый.

Но всё, что жизнь ни даст, прими и благодарно,
И взлет на пик удач, и в пропасть бед паденья,
И рай тюрьмой бывает, а край глуши шикарным,
Есть счастье привидение и счастье providения.

Повезло мне поэту

На своём она держится твердо,
Отмолчится, спроси, не уступит,
Страх унизиться, вот её гордость,
Толчёт воду эмоции в ступе.

В протестующих сетях привычек,
Жизнь наладится, если стерпеть,
Счет претензий бы ей обналичить
В слитки золота, выбросив медь.

Снять запоры с души не умея,
В откровенность любую не верит,
Зачастую беседовать с нею,
Как кричать через плотные двери.

Не желая, несносно фальшивит,
Опрометчивость слов безрассудна,
От обиды они, от души ли,
Но считает себя неподсудной.

А наутро молчит неприступно,
Не она обвиняла, конечно...
Повезло мне с супругою крупно,
Мне поэтом не быть с безупречной.

Учитель

Безупречная репутация,
Сотни, сотни учеников,
А под старость радость горечи,
В сердце чувство соломенных вдов.

Со слезой на глазах альбомы
Смотрит долго до поздней ночи,
Льётся незамужней матери счастье
На родных не по крови сынов и дочек.

Всё плохое безлико забылось,
Радость встреч-расставаний горячая,
Ты учитель, как добрая фея,
Не сложилась судьба бы иначе.

Безупречная репутация
Сохранялись тобою публично,
А под вечер, листая тетрадки,
Домогались мечты неэтичные.

Быть учителем, словно звездой,
В утомляющих просьб, обращеньях,
Приходилось следить за собою,
Недовольство гасить и смущенье.

Сорок лет пролетели скоро,
Сорок лет как урок бесконечный,
Но в душе остаешься девчонкой,
С добротой и любовью сердечной.

Ночи шёпот

А хочешь, сущность не нарушив,
Перенесу в младое тело,
Сознание, дух твой, в целом душу
Верну назад, куда хотелось?

Еще могу тебе предложить
Испить из кубка сей напиток,
Все кости, органы и кожу
Омолодить, бывшее будет не забыто.

Нет смысла путь традиционный
Здесь предлагать без изменений.
Покинешь плоть ты полусонный,
По нашей мерке на мгновение,

Очнешься в тельце малыша,
Пока беспомощный и слабый,
С сознанием прежним, и душа
Могла бы путь продолжить дабы.

Так демон, черт ли полуночный
Меня лукаво искушал,
Но кто-то был со мною, точно,
Не грезил явно, я не спал.

Он мысли тайные подслушав,
Шептал мне сладостную ложь,
И растравив надеждой душу,
Что жутко стало невтерпёж.

Приму его я предложение
Одно из трех, какое лучше?..
По шторам тени ли движенье,
Или по ним скользящий лучик.

И никого вокруг другого,
Как прежде, комната пуста,
Но ведь я слышал чье-то слово,
Шептали чьи-то ведь уста!..

Фактотум

А мой фактотум верно годы
Служил как будто бы. Враньё!
Служил не мне – страстям в угодую,
Ему я верил ..., ё-моё!

Обвел меня он вокруг носа,
И часто пыль пускал в глаза,
Кто подчиненный, был, кто боссом,
На газ давил, на тормоза?

Приятно почивать на лаврах,
Как уступил слуге контроль,
Ничем незначимую славу
Безвластный потчует король.

Фактотум, нагло усмехаясь,
Потянет ниточки страстей,
Беда придет в тот час лихая
И полоса ужасных дней.

Слуга услужливо склонится,
Готов исполнить порученье.
Журавль в небе, мол, синица
Имеет большее значенья.

Целей достичь сиюминутных
Всегда приятно, а мечта
Пусть где-то там сидит уютно,
Мол, нам привычна суета.

Что ждать с тревогою последствий,
Даст бог, достигнем мы успех,
И льёт, и льёт на душу лестью,
А сам с трудом подавит смех.

Незримая нечисть вблизи завелась?
Нет, ментор один многоликий,
Под настроенье ума ипостась,
А все остальное лишь блики.

Он ангел, и демон, и шёпот ночной,
И недруг, и друг безымянный,
Он резонирует с мыслью одной,
Что гложет нутро постоянно.

Он просто фантазии плод роковой,
Как тень за спиною ложится,
Незримый и мертвый, безгласный, живой,
Как чувству вообразится.

Так с ним человек не одинок,
Рядом всегда собеседник,
Второе «я» и Люцифер, и Бог,

Иль «я» с ними вроде посредник.

Корочки вкус

Вова, за хлебом сходи после школы.
Булочку белого, пару ржаного;
Сахар, муки, килограмм вермишели.
Булочки, что я пекла, уже съели,

Оладьи сготовлю на простокваше,
Крынку вчера принесла тётя Паша.
Ладно, схожу, если вдруг не забуду.
К бане в субботу зайдет тётя Люда.

Всё, мам, побегу я, а то опоздаю,
Училка на русском у нас очень злая,
Влепит мне кол, я боюсь, ни за что.
В валенки ноги, на плечи пальто,

Шапку и ранец схватил, за порог,
И по морозцу бегу со всех ног
По Стадионной на Ленина в школу,
Не замечая ни ветра, ни холод.

Только что хлеб привезли, он горячий,
Пахнет, в авоську я булку не прячу,
Рву тут же зубами хрустящую корку,
Вкусно, и радостно как от пятерки,

Треть булки умял по дороге домой,
Как, не заметил, влетит, боже мой!
Если ножом, где щипал, подравнять,
Может, Толик отрезал, подумает мать.

Вова, купил, что просила? Угу...
Я вкус той горбушки забыть не могу.

Блудный сын

Смотрю я будто с неба в подзорную трубу:
Очередное тело моё лежит в гробу,
А в доме по соседству проходят в муках роды,
Я снова воплощаюсь, минуя в рае роздых.

Здесь грустные поминки, там радость дня рожденья;
Мой разум ненадолго охвачен сновиденьем;
Венки поверх могилы, поверх дитя пеленки;
В гробу молчанье мертвых, кричит младенец громко.

Я вижу это разом, и многократно видел,
Как дух, то входит в тело, то из него он выйдет.
С души забвеньё смоем грязь копоти осадок,
Тогда-то ясно будет, мне воплощаться ль надо,

Достаточно ли долго вращал круговорот
В тела с небес на землю, из тел, наоборот,
Иль выберу другую планету из планет,
Где вечные живые, где смерти просто нет,

Уходят по желанью от жажды перемен,
Кто ад предпочитает, покинув рай взамен.

Быть может, сам когда-то свалил я дурака,

Романтик любопытный прибыл издалека,
Узнать, что в мире этом, как захотелось жутко,
Войду же в тело смертных, решил я, на минутку,

И угодил во щи, как кур, бессмертное создание,
В награду мне за это любви страстей страданье,
Круговорот воронкой затягивает снова,
Как век миную тяжкий, из мертвого в живого.

И Бог мне не поможет, коль не порву сам цепи,
Достигнув просветленья достаточную степень.
И я с великой грустью смотрю небес в глубины,
Ищу тот край родимый, который я покинул.

Будет сказка

Отмыть, отсечь, просеять, вырезать и сгладить
Реальность быта – вот и будет сказка!
Стерильность, правило... Избавьте, бога ради,
От мертвой красоты искусственной окраски.

Мы, в рай, стремясь в надуманную сказку,
Творим вокруг страданий хаос ада,
На злобу, зависть, стыд лица накинув маску,
Безбожно лжем хвастливо жизнью рады.

А боль душевная, физическая боль
Разрушит вмиг заманчивую сказку:
Как есть, принять действительность изволь,
И грубость слов, и грязь, наигрannую ласку.

И вдруг полёт сорвется штопором протеста:
Я не хочу!.. Пойду я сам, и вы идите к черту!
Где этот рай обещанный, ищу я это место.
К друзьям? Их нет! Отчаяньем припертый,

Сопьюсь, уйду в мечтательные грёзы...
Там сказка, рай, и там я властелин;
Поля цветов и белых рощ березы,
Реальность там, как детский пластилин.

Отмыть, отсечь, просеять, вырезать и сгладить
Реальность быта – что иметь в итоге?
Сыграешь пьесу так, как клоун ты иль трагик.
Судьбы актер и автор, а зрители же боги.

Земляк

Нашел каким-то образом
Знакомый из поселка
Меня, живущим в городе,
Сказал: Искал недолго.

Я удивлен, но скромный,
Не рад такому гостю,
Не до гостей, бездомным,
В разводе был, короче.

Я знал, что этот парень
Талант на приключения,
А он: Привет, Володя! —
Без всякого смущенья.

Как смог найти, ей богу,
Без адреса, вслепую?
Брат указал дорогу,
Беспечно мне толкует.

Записан он как русский
По паспорту, хотя...
Лицом с глазами узкими,
Хакас, признал шутя.

Водил среди хакасов
По большей мере дружбу;
Был у отца подпасок,
Уже в шестнадцать мужем.

Сосед через дорогу —
Наискосок дома...
Дружил я с ним немного,
Жизнь развела сама.

Он школу бросил рано,
Гулял напропалую,
У клуба дрался пьяный,
Не ведал жизнь другую.

Меня однажды в горы
Зазвал пасти отары.
Признаюсь, было здорово
Скакать в седле на пару,

Спать у костра на травах,
Питаться свежим мясом.
Я отдохнул на славу,
И впечатлений масса.

В поселке, Витя первый,
Он там, где приключенья,
Без тормозов, без меры

Он жил... Нравоученья

Сейчас звучат не к месту,
Приехал, значит, надо,
Искал, нашел, чудесно,
Теперь же вот он рядом,

Как земляка прогонишь?
Входи в мои «хоромы».
В горах как были, помнишь?
Привет тебе из дома.

В общежитии на Свободном
Живет наш, из поселка,
Брат, кажется, мне сводный,
Заглянем ненадолго?

Но, Витя, нам удобно ль
К нему нагрянуть к ночи?
Ты скромный бесподобно!
Поехали, короче...

Не комната, а зало,
Две дюжины народу
Сидело и лежало —
Вокзал, какой тут отдых?!

Вино из кружек пили,
Слепой был парень с нами,

Как ловко он, дивились,
Орудовал руками,

Шутил, смеялся звонко,
Вино пил с наслаждением,
Доверчивым ребенком
Казался поведением.

Когда прощались в коридоре
Мы с ним, он чуть ли не плакал.
Ты молодец, хвалили, Боря,
А нам пора, дружок, однако.

Надеюсь, мы теперь друзья,
Сказал, нам руки пожимая,
Пусть не увижу лица я,
Но вас по голосу узнаю...

В огнях шумел вечерний город,
Людей заметно меньше ходит,
Звучит сирена где-то «скорой».
Где взять бы водки нам, Володя?

Так магазины все ж закрыты!
А в ресторане, на вокзале
Из-под полы дадут? Поди ты,
Дадут в три дорога. Видали!

Но ехать, Витя, вдаль такую

На «тройке» час и до конечной.
Не лучше ль нам на боковую?..
Какое спать, сказал беспечно.

По Профсоюзам под мостом,
Затем на площадь у Вокзала,
Мы в ресторан вошли потом,
На водку денег лишь хватало.

Нет-нет, ребята, не годится,
На вынос водку не даем!..
Попробуй ты договориться,
А мы пока что отойдем.

И Витя что-то шепчет с жаром,
А метрдотель спорит с ним,
Земляк горяч, устроит свару,
В ментовку точно загремим!..

Скатал я трубкою газету,
Иду как будто я тут свой.
Эй, парень! Хочешь сигарету?
Кивнул лишь только головой.

Деваха лет так двадцать пять,
Не пассажирка по одежде,
Подумал грубо, это – *****,
Клиента снять пришла в надежде.

Мы на крыльце курили с нею,
О том, о сем болтая в шутку,
Глядит в глаза она смелее:
В общагу съездим на минутку?

Ну, если только ненадолго,
Не потеряли бы ребята...
Такси!.. И подкатила «Волга»:
На Заводскую, корпус пятый.

Шесть коек, сумрак, ни души,
Бутылка водки, два стакана,
Котлеты, что-то из лапши,
Всё заготовлено по плану.

Подружки на ночь на заводе,
А я так нынче выходная,
Татьяна я. А я Володя.
Наверно, я совсем дурная,

Невесть кого зазвала в гости,
И водку пью с ним, на ночь глядя.
Да не волнуйтесь, Таня, бросьте.
Я не опасен... Бога ради!..

Зачем же так, не для постели
Тебя в общагу привела.
А для чего же, в самом деле?..
Ты сволочь, понял!? Ну, дела!

Она свезла меня сердито
За свой же счет да на вокзал.
Прощай, Татьяна. Да иди ты!..
Не стал и спорить, с глаз пропал.

А парни в скверике заждались,
Пьют водку, курят и судачат.
С тобой кто, Витя? Местный. Валя.
Сует мне мелочь: Это – сдача.

Я загоню, давайте, брошку,
У мамы стырил на похмелку.
Ты, Валя, это понарошку?..
Меня коробит эта сделка.

Украсть у матери?.. Скотина! —
Его хватаю за грудки, —
Уйди ты прочь, а то я двину!..
Никто ни слова, лишь гудки

Слышны далеких маневровых...
Да, Витя, всё, пора домой.
И, правда, утро скоро, Вова,
Устал я что-то, чуть живой.

А дальше шло без приключений,
Коль два момента не считать.
Как доберемся мы без денег?

А я такси могу угнать!

Нет, Витя, это не прокатит,
А срок схлопочем за угон.
Всё, на сегодня, Витя, хватит,
Ведь умный ты, а не пижон.

Таксисты вдруг загомонились,
Транзистор, вынув на капот,
Кружком бабенку обступили:
Танцуй, Катюша, ждет народ!

А та, пьяная и босая,
Как сумасшедшая танцует,
Ей мелочь под ноги бросают,
Смеются, хлопают, ликують.

В шестом утра домой вернулись,
В подвал, где я в то время жил,
Кто спал на лавке, кто на стуле.
Земляк приехал – удружил!..

В сто первый раз

Сто первый раз, день этот вспоминая,
Невесть кого судить невольно начинаю...
В то время год, как изгнан был из дома.
В подвале склад – отличные хоромы

Для одного иметь: покой, уединенье.
Холостяку, где жить, имеет ли значенье,
Тем более зарплату еще платят.
За минусом процентов, её хватает

На выпивку, еду, одежду и на книги...
Ну, выбил бы тогда в горячке ригель,
Улегся б спать, мол, утро мудренее,
Поговорил бы откровенно после с нею,

Мол, в первый раз я пьяным дебоширил,
Ты на проблему погляди-ка нашу шире.
А что она? Я жить с тобой не стану,
Как завтра снова ввалишься ты пьяный?!..

А я в ответ: На то были причины,
Коль невтерпеж. Все сволочи мужчины!..
И в том же духе чешет без разбора...
Уйдя от крика, шел по коридору,

С желаньем никогда не возвращаться,
Дверь вышиб бы, к душе не достучаться.
Сказать бы мне, а помнишь, дорогая,
Как кошка с мышкой ты со мной играя,

Угрозами и лаской принудила
Жениться, я просил – не отпустила.
А что потом? Я стал тебе помехой,
И ревность, вызывая ради смеха,

Давала повод думать об измене,
К тому же доставала своей ленью:
Обедать приходилось мне в столовой.
Сготовить суп я не успела, Вова,

Её ответ я слышал из кровати.
До вечера, надеюсь, тебе хватит
Времени, чтоб в комнате убраться.
Влюбленный слеп, не мог бы догадаться,

Чем занята до вечера супруга,
А мы уж тихо ненавидели друг друга,
Что не любовь меж нами – принужденье,
И мой упрек к ней выражался ленью,

Желаньем чем-нибудь пребольно уколоть,
При случае рога наставить вплоть...
На кафедре мы пили пиво с водкой,

Как шел домой, я помню еще четко,

А в комнату вошел, меня и развезло,
Она мне высказала грубо как назло,
А уложи в постель, раздень, не провоцируй,
Мы дальше жили, может быть, и с миром.

А, впрочем, узел стал уж слишком туг —
Мой нервный срыв и женщины испуг,
Как неизбежность, кончились разрывом.
Она по-своему, и я теперь счастливый,

Вернув свободу, спрятался в подвал,
Всю ночь ворочался на лавке и не спал,
В сто первый раз день этот вспоминая,

Мне пока что тайна

Я не знаю для кого, для себя, быть может,
Незатейливую жизнь в рифме слов изложу.
Шесть десятков лет, увы, нынче будет скоро.
Я уехал из села, стал родным мне город.

Горки, остров Сахалин, там я свет увидел,
Что на запад увезли крохой, не в обиде.
Жешарт, Коми, первый класс, и опять дорога.
Неприкаянные мы, будто бы, ей богу.

Аттестат я получил на селе Бельтирском,
Где курганы и ковыль, и река там близко.
А потом опять вперед да на север крайний,
Что ищу по свету я, мне пока что тайна.

Луга, следом Виттенберг, я служу солдатом,
Долг почетный, говорят, и вдвойне зарплата.
Отслужил и на восток, стану я студентом,
Жить в общаге городской и ходить на ленты.

Строил планов громадьё, а моргнул: женатый,
Соблазнить и оженить мастера девчата.
Всё пришлось переиграть, совмещать с работой
Свой вечерний факультет даже по субботам.

Но недолго брак такой, коль по принуждению,
Разлетелся как стекло в дребезги в мгновенье.
Инженером всё же стал, и женился снова,
Мне казалось, по любви, век с ней жить готовый.

Полтора десятка лет я отдал заводу,
А семейные дела – драма цирка ода.
И взялась меня пилить, будто виноватый,
Как родила трех детей, год прожили пятый.

Мол, я толстая, уйдешь к тонкой и красивой,
Я никчемная жена, будь с другой счастливым.
Я и так, и сяк рядил, все, мол, бабы стервы,
Мне, признаться, всё равно, кто мотает нервы.

Просто будь ты мне жена, в доме будь хозяйка,
А останусь иль сбегу, брось играть в гадайку.
А приспичит, коль сбежать, на тот свет да к Богу,
Ты нападками туда торишь мне дорогу.

Тридцать с хвостиком вот так спорим безрассудно,
И что прав один из нас, думаем подспудно...
Я тут бегло накидал жизнь одну простую,
Точку ставить не к чему, ставлю запятую.

Тесть

Как, говоришь, зовут? Владимир. А-а, Володя.
Я Александр Сергеич, отец тебе навроде.
Ты учишься? Конечно. И на каком же курсе?
Второй уж год в политехническом учусь я.

То есть с Галиной вместе нашей. Молодец.
Расспросами, ну, пап, замучил ты вконец.
Ты с ним знаком уже, знакомишься опять.
Галина, не встревай, хотелось мне понять,

Серьезно ли у вас, иль так, шутя живете...
Всю жизнь строитель, как ни как я на работе
Отличный каменщик, начальство меня ценит,
А вузы не кончал, лишь школу, тем ни менее

Имею всё – жильё, деньгу, почет и уваженье.
Дурак, Володька, ты, что метишь в инженеры.
На стройку, ну, как я, пошел бы ты, к примеру?
Ага! Не хочешь, да, повкалывать в три пота?..

В пять лет отучишься, Володя, на кого ты?..
На металлиста, мастером, технологом, не знаю...
Хотите что, вас, молодежь, не понимаю....
Минуто, я сейчас, курну, и мы продолжим.

Галина, не могу, сорвусь, уедем в город, может?
Отец с войны контуженный, а пьяный он дурной,
Под Кенигсбергом раненый, солдат он и герой.

Пусть говорит, что хочет, перетерпи, Володя...
Уедем завтра, Галка. Тсс, он, кажется, заходит.
Чего притихли, дети. Пора бы спать ложиться.
Нет, познакомь-ка с парнем, дочь моя девица.

Я Александр Сергеич, а ты? А я Владимир.
А почему не Павка? Владимир, что за имя.
Студент? Да. На вечернем. Работаю при вузе.
У нас на стройке тоже один студент из Грузии,

На практике. Лентяй! Но мастер девок шупать.
Эй, мать, уснула, что ли? Налей-ка в миску супа.
А ты дурак, Володя, дочь-то проститутка!..
Брось, не женись пока что. Я выйду на минутку.

Он сумасшедший что ли? Я не пойму, Галина.
Не обращай внимание, напьется, он скотина.
Ты думаешь, он курит? Он водку пьет в сарае.
Одну бутылку выпил, пошла вход и вторая.

Но на столе ведь, Галка, вино и недопито.
И что? Он презирает любой другой напиток.
Прости, он алкоголик? Ну, скажем, есть немного.
Об этом ни гу-гу, молчи ты, ради бога...

Ну, вот и я!.. Устал, совсем не держат ноги.
И вам пора бы спать, устали ведь с дороги.
Эй, мать, стели-ка им постель, и я набоковую.
У нас не вышел разговор, так утром потолкуем.

Не вышел разговор? Он, что, у вас склеротик?
И мать, и ты, Галина, как только с ним живете?
Какой уж есть, привыкли, он мне отец. Ну, да.
Хочу, как можно реже я приезжать сюда...

Опять начнет: Как имя? Я Александр Сергеич.
Иди ко мне в бригаду. Сдержаться не сумею,
Сорвусь и наскандаю, как нервы на пределе.
Не обращай внимания, пусть языком он мелет.

Уедем, я согласна, вокзал от нас в квартале.
А если прямо ночью, пока он спит, а, Галя?
А мама как же, Вова? За что ей быть в обиде?
Об этом не подумал. Курнуть тихонько выйдем?..

Какая ночь шикарна, Луна взошла какая!..
К дождю, на то похоже, вон тучи набегают.

Невестка

Она в него вцепилась, иль он, наоборот,
Живут, не расставаясь, живут который год.
С ребенком взял, и сразу привел хозяйкой в дом,
Как встретит мать невестку, не думали о том.

Она в штыки сначала, мол, бабу взял с довеском,
Она мне не по нраву, сказала сыну резко.
Я в это время в гости приехал на всё лето,
Пусть прямо не касалось, но все же был задетый

Таким приемом жестким, предвзятым отношеньем:
«Их, мама, жизнь рассудит, поженит и разженит.
Пусть поживут пока что, а дальше будет видно,
И Люда вся на нервах, и Толику обидно.

Отец ведь тоже с дочкой, ему чужою, принял
Тебя в далеком прошлом, похожи ваши линии.
Тебя свекровка также не признавала долго,
А вы все ж поженились. Препятствовать без толку»

Уговорил, не знаю, при мне мать не ворчала,
Смотрела на невестку и головой качала,
Что думала при этом, кто знает, Бог рассудит.
Мы памятью ошибок безжалостные судьи.

Не оттого ли злилась, что ей напоминанье,
Как нагуляла дочку, поверив в обещанье
Жениться офицера, который вскоре сгинул,
Узнав про положение. Красивый был мужчина.

Высокий стройный малый, а оказался сволочь.
«Я настрадалась, боже, упреки жгли как пчелы
От мамы и от бати ..., я всё перетерпела,
Пусть молодая дура, а счастья-то хотелось».

А может, что другое припомнилось невольно.
Язык свекрови гадкий кусался очень больно:
«Ты девка из деревни, шесть классов, нос картошкой,
Испортила мне сына, к нему ласкаясь кошкой.

Оставь его в покое, и он уедет в город,
Как договор по сроку к концу приходит скоро,
Там ждет его другая да из семьи приличной,
Студентка, комсомолка, довольно симпатична»

Наш дом в то время старый снесли под самый корень,
И на фундамент новый другой воздвигли вскоре.
Для всех работы масса, под вечер так устанем,
Что лишь бы до постели, без танцев и свиданий.

Но за полночь далеко всё Люда спорит с Толей:
Мать не взлюбила, вижу, мне удавиться что ли?
Не будет сладу с нею, как две хозяйки в доме,

Она молчит, вздыхая, а взглянет, будто гонит.

Ну, потерпи, Людмила, со временем притреться,
Мне обещали ордер под осень на работе...

...Галина рядом с сыном, мужик какой-то с нею,
С упреком теща смотрит, и Александр Сергеич,

Не разжимая губы, вокруг стоят недвижно,
Я голый перед ними униженно пристыженный.
Вернись, как будто слышу, вернись ради ребенка,
В обнимку Галка с парнем, в лицо смеется звонко:

А он рогатый, мама, он вовсе мне не нужен,
Как прогнала из дома, с другим живу я мужем!..
Земля вдруг стала вязкой, затягивает жижа,
Утоп я весь по горло, нет воздуха, не вижу...

И сбросив одеяло, я соскочил с постели,
Собака брешет нудно, и петухи запели...
Ну, вот и печь готова, – старик с рук моет глину, —
Чуть протоли, хозяйка, и дай чуток остынуть.

А как совсем обсохнет, топи напропалую.
Спасибо, дядя Ваня. Да не за что... пойду я.
И мне, мам, в город надо, провел я лето с вами...
Я утаил, надеюсь, что сердце давит камень.

Канал

Бельтырка речка сквозь поселок
Текла в болотах заводях, кустах.
Гусей на берегу, пасущих телок
С теплом увидишь, зимняя пуста.

Мостки, как продолжение улиц,
Из досок в нужном месте есть...
Однажды поутру проснулись,
И ужаснулись – море здесь!

Разлив реки, и паводок обильный
Ближайшие дворы сейчас зальёт.
Спасают люди скarb, детей, скотину...
Я накрепко запомнил этот год.

Мы на чердак, а ты до тетки, сына,
Вернешься после, как вода сойдет,
Вскричала мать. Бегу по улице так сильно
От страха, что волной подхватит, унесет.

Но это наводнение кажется пустяк —
Других масштабов видел разрушенья,
Когда вода обрушится, как враг,
Что на пути, подхвачено теченьем.

Как високосный год, так произвол стихии:
Потопит скот, и урожай в полях погубит.
Сибирь, тайга, снега, ... Россия!
Страдать доколе будут люди?

Канал решили выкопать глубокий,
Так, мол, спасем поселок от воды.
Нагнали технику, и объявили сроки,
За пару лет трудов пожнем плоды.

Наш дом стоял у насыпи вплотную,
Под окна гравий сыплют, в палисад.
Теперь ни небом из окна любуясь —
Камней поток по стенке град.

Зимой, как перейти канал?
По скользким склонам невозможно,
Пыхтит, ругается и стар, и мал:
Нет подвесных поблизости дорожек.

В двух километрах мост, за ним другой,
Петлю крутить не каждому по духу,
И всякий раз через канал, как в бой
Идет там взрослый, дед или старуха.

А детворе на радость жарким летом
Идти в канал рыбачить и купаться.
Там я, пацан, слетев с плота одетый,

Чуть не утоп, спасли, но нахлебаться

Воды успел от страха и стыда,
Ведь я, умея плавать по-собачьи,
Мог сам до берега добраться без труда,
И от обиды, что спасли, я чуть не плачу.

В канал и брат, с гулянки возвращаясь,
Скатился пьяный вниз и... захрапел.
Под осень, холодно, нашли его случайно,
Простуженный, всю зиму проболел.

А через год дают и нам квартиру,
(Избу, где жили, брали напрокат),
Сменили Стадионную на Мира,
Устроились, и жизнь пошла на лад.

Никто не помнит имени той речки,
В каком году построили канал,
Когда случится, может с ним осечка,
Сам Бог, и тот, наверное, не знал.

Вода пришла, был високосный год,
И Абакан заметно громче заревел.
Канал спасет, уверен был народ,
Туда-сюда гуляющий без дел.

За сутки и поля, и лес ушел под воду,
Канал наполнился почти, что до краев.

Еще такой воды не видели мы сроду,
Пастух к горам спасать погнал коров.

Вдоль полотна железнодорожного заторы
Из бревен, с бирж прибило их теченьем,
И мост накренился, сорвется уже скоро,
В тревоге взрослые, а детям развлечение.

И видел я, как с насыпи ручьями
Сначала нехотя вода стекала вниз,
Песок размыв, и мелкий гравий, камень,
И... прорвало! И мат, и рев, визг!..

Вода, кричу я, мама, на подходе,
Что делать, лезть на крышу ли бежать?
Садись в машину с Толиком, Володя,
Езжайте в клуб одни, решила мать.

Как уносил поток заборы, стайки всюду,
Как с мест сдвигал он запросто дома,
И крики, вертолетов, рев моторок не забуду,
Как только люди не сошли от этого с ума.

За сутки, полпоселка уничтожив,
Поток воды ослаб и обмелел.
Спуститься вниз на улицу мы можем,
Не ждать, брести по пояс кто хотел.

Вокруг разруха, доски, мусор, вещи,

И кое-где поют как прежде петухи,
Еще и лодки те, ночные встретишь,
И подвезут, коль будет по пути.

А что канал? Его как не бывало,
Размыт он с самого начала до конца.
Бельтырка речка снова зажурчала,
То там, то здесь наполнив озерца.

Домой

Как домой мне, мама, хочется,
Вас к груди своей прижать,
И увидеть нашу рощицу,
Быть свободным мне опять.

Я б друзей собрал на вечер
Выпить водки иль вина,
И отпраздновал бы встречу
В разговорах дотемна.

По твоим борщам я, мама,
Так соскучился, представь!
Ждите скоро телеграмму,
Дом мне грезится, как явь.

Чемодан стоит в каптерке,
В нем альбом и сухпаёк,
И парадка там за шторкой,
Заготовил всё я впрок.

Жду приказ официальный,
Не команды «Всем отбой!»,
В путь отправиться мне дальний,
Чтобы встретиться с тобой.

Смотрины

Вошла уверенно и смело,
Вошла без всякого смущенья:
С тобой, Володя, я хотела
Поговорить, прошу прощенья.

Сказали мне, хороший парень
Один в общаге пропадает.
Давай знакомиться: Я Варя.
Пора мне замуж, так считаю.

Студентка я второго курса,
На самом деле я спортсменка.
А у тебя какие плюсы?..
А я подумал: Вот так сценка!

Вошла как в дом к себе без стука,
В трико, футболке, пахнет потом.
«Хочу я замуж!» – вот так штука!
Я, что, похож на идиота?..

Кто позаботился, Можжухин
Прислал красавицу деваху?
Я онемел, за спину руки,
Ни бе, ни ме, видать, со страху.

Одна на грамотность проверить
Меня решила, а другая
Рост, силу, вес пришла измерить?
Ну, бабы!.. Мама дорогая!..

Наверно я и впрямь несмелый,
И глупо выгляжу? Да нет!
Галина выгнала за дело,
Иль сам ушел, сказав: Привет!

Живу теперь с майором вместе,
Его под зад жена турнула,
Пьём, женщин водим, честь по чести,
Никто от горя не сутулый.

Развелся я совсем недавно,
В мужья попасть не тороплюсь...
Ушла спортсменка, ну и славно,
Я холостой останусь пусть.

Перемены

Убрали вдоль забора тротуары,
И улицы отсыпали щебенкой,
Теперь дом быта в школе старой,
Куда учиться бегал я ребенком.

Сменили вывески большие магазины,
И вместо домиков-киосков павильоны,
Снуют и там и тут японские машины,
И купол церкви есть позолоченный.

Где комбинат, там ветер и руины,
И обмелела в зарослях протока,
На месте озера безжизненная тина,
На поле, паханном лесочек недалеко.

За десять лет большие перемены
Я нахожу, что стал чужим поселок,
Как декорации меняются на сцене,
Грущу душой, а внешне я веселый,

Что снова здесь, по улицам прохожий,
Такой, как все, но редко кто узнает,
Приеду я в родной поселок, все же,
Он не заметит даже, как я уезжаю.

По дружбе

Да ну – на ринг! С ума сошел ты, Саша.
Какой боксёр, усвоил лишь основы.
Ведь ты комсорг, вся группа наша
Тебя прийти поддерживать готова.

Среди обычных новичков соревнованье,
А ты успешно тренируешься полгода.
В неделю раз?!.. Иди ты, Саша в баню,
Побитым быть пред всем честным народом?

Не дрейфь, зачет получит автоматом,
Кто раунд хоть продержится на ринге.
А сам рискнешь, Сашек? Ну, скажем, я-то
По глупости дал слово драться Инге.

Не отвертеться мне, я выйду, хоть боюсь.
Ну, что ж, уговорил, по дружбе если надо.
Фингал – пустяк. Ну, Саша, ты и гусь!..
Вован, клянусь, литра с меня в награду!

Совет любви

Совет дарую, если хочешь.
Но разве этого ты ждешь,
Когда слеза приходит ночью,
Когда с тоски бросает в дрожь,

Душа любви и ласки просит,
Чтобы любовь свою дарить,
Весною чтобы стала осень,
Ждать не закат, а свет зари.

Томленье, страх и ожиданье
Волной внезапно захлестнет,
Спешить к тому бы на свиданье,
Кто растопил бы в сердце лед.

Могу понять души недуги,
Но не возьмусь их исцелить,
Медвежьей надо ли услуги
Душе, что хочет лишь любить.

Не неких слов ты ждешь в томленье,
Одетых в красочную ложь,
Не клятвы срасти на коленях,
Любовь, и только её ждешь.

Но мысль сразит, как пуля: Поздно!
И станет мир в печали серым,
Так смысл жить утратить можно,

Теория поля

До того это тонкая пленка,
Не порвать, растянуть её можно,
Но не шарик воздушный ребенка —
Лопнет он от укола ничтожного.

Это нечто другая материя —
Не видна, не дается на ощупь,
И не взвесить её, не измерить.
Тело духа, иль аура, проще.

Завихрений магнитные нити,
От начала в конец бесконечны,
Всех времен отпечаток событий,
Неизменны искрой скоротечной.

Средоточие в сердце живое,
А вокруг атмосферою сфера,
Там под ней умещаются трое —
Дух, душа, плоти капелька мерой.

Но глазами мы, люди, не зрячи,
Если видим, то черточку спектра,
От ума мир же скрыт настоящий...
Всем спасибо. Аминь! — кончил лектор.

Переглядки

Не уж-то ты одна,
Не выгорев до дна,
В душе мечтой живая.
Смотрю, не отрываясь

В лицо, могла б смутиться
От пристального взгляда,
Что я, напротив, рядом,
Как будто намекаю

Сказать, что ты такая
Не можешь быть одна,
Подруга иль жена
Любимого мужчины.

Знакомиться причины
У нас конечно нет.
Следы прожитых лет
В лице, в глазах усталость

Скрывается, немало
Потерь видать и бед.
Без слов пошлю: Привет!
В ответ глаза отводит,

Но незлобиво вроде
И с ожиданием скрытым,
И от того сердита,
Что переглядки в душу

Покой души нарушат.
На остановке двери
Открылись приглашением,
Она уже не верит,

Поверив искушенью,
А вышла, ждет, ли выйду,
Минуту, вслед за нею,
Смахнув с лица обиду,

Чтоб бросить взгляд смелее.
Хотелось бы, но может,
Я обманулся всё же
Фантазией лиричной,
Коль дама симпатична.

На свободе мысли

Медлительные мысли по теченью чувств,
Шепот некрикливый не слетает с уст,
Будто параллельны с этим днем они,
Уплывут в былое, в призрачные дни,

Здесь и там живые вне пределов тела
Бродят на свободе, где им захотелось,
В будущем былое ищут в настоящем,
И случайно вскроют с тайной старой ящик.

Фото, галстук, книга, карандаш, тетрадка —
Ветхие предметы перебрать им сладко.
Сам я в теле этом задремал усталый,
Ничего чтоб мыслям бредить не мешало.

Я глазами духа безучастный зритель,
Бессловесным чувством говорю: Идите
В те края и годы, близко и далеко,
До финальной ленты, до судьбы истока,

Вы с высот способны видеть без изъятий
Всю дорогу разом, власти вашей хватит.
И с небес как птица, наблюдая зорко,
Где разверзлась пропасть, где взметнулась горка,

И туда как хищник камнем вниз, магнитом
Жертвы страх притянет, в поисках защиты
Мечется по полю в слепоте душевной,
Мир преображают мысли совершенно,

И сливаясь с чувством, зреньем и опорой,
Если дать им волю, станут очень скоро.
Боль в груди кольнула как напоминанье:
Не гонись за мыслью, а вернись в сознание

В этот день реальный, в этот час текущий,
Быть не где-то в прошлом, в теле все же лучше.

В дорогу

Уеду, завтра из села
Учиться в город на пять лет,
Все завершил свои дела,
Душой волнуюсь, внешне нет

Прощай мой дом и комбинат,
Друзья прощайте, мама, братья,
Вернусь, когда я к вам назад,
О том гадать и думать хватит.

Уложив в сумку книги, вещи,
Пишу в стихах дневник под вечер,
Три раза каркнул ворон вещей
Напротив окон, веткой ветер

Бьет по стеклу: Прощай, прощай!
Мне в ту минуту грустно стало:
Ты, ворон с веток не стращай,
Похуже в жизни мне бывало...

Уеду в город я учиться,
А к маме буду приезжать,
Со мной не знаю, что случится,
И не хочу заранее знать.

Абитуриент влюбленный

На лестнице с учебником в общаге занимаюсь.
К экзаменам готовлюсь? Да нет, душою маюсь.
А Катя разве любит?.. Она хотела замуж.
И этот случай пошлый с её подпитой мамой?..

И ревность, что за глупость, не Кати, той же тещи.
Порву я связь, наверно, письмом, так будет проще.
Как началось-то с нею? Известно как – обычно.
У друга на встречинах с глаз пьяных симпатичной

Она мне показалась, ну и назначил встречу.
Пойдем, мол, погуляем, на завтра, как проспуюсь.
Минутную влюбленность похмелье, мол, излечит,
На девушку, подумал, ум трезвый взглянет пусть.

Под чувством ум, известно, не очень-то и умный,
Он, здраво размышляя, измученный сомнением,
Себе противоречит..., всех одночленов сумма —
Стандартный многочлен, решение уравнения...

Под утро мы прощались, стояли у калитки,
Она не торопилась уйти, но как-то нервно,
Или продрогла малость, наматывала нитку
На пуговицу кофты. Поцеловать, наверно,

Её мне полагалось, но как, я сам робею,
И ткнув губами в щеку, неловко получилось:
Прощай, пока, до встречи. Калитка вслед за нею,
Железом ржаво скрипнув, со стуком затворилась.

Законы Ома, цепи, магнитный резонанс,
И сила тока, емкость, и мощность, амплитуда —
Всё вперемешку, в кучу – экзамены, роман,
Что было так недавно, навряд ли я забуду.

Дембельский крест

Для нас последний этот полигон,
Ну, что, ребята, будем ставить крест,
Пусть памятью о нас послужит он,
Кто из каких служить приехал мест,

Кто с Питера, Москвы, а кто с Урала,
А кто-то из Хакасии далекой.
Из рельса крест вмуруем, чтоб стоял он,
Как памятник в Германии, без срока.

Две перекладины с названьем городов
Привинчены, приварены надежно,
Крест дембельский, товарищи, готов,
Теперь на память фото сделать можно.

Бросали в яму прямо в мокрый цемент
Монеты, пуговицы, в общем, кто, что мог,
И, может, в двадцать первом веке немец
Найдет следы солдат советских ног.

Отдельный грозный наш дивизион
Стоял в далеком прошлом в Виттенберге,
Найдет в архивах через годы, может, он,
ГСВГ, и кто служил, их слава не померкнет!

На службу крест поставили, ура!
Пусть прапорщик, его ломая, злится.
Ну, что, ребята, в лагерь нам пора,
Еще чуть-чуть и станем вольной птицей.

Структура духа

Допустим, есть сущность первичная – дух —
Из тонких энергий, незримый,
Его не уловит физический слух,
Как поток не уловит нейтринный.

Допустим, основа его есть ядро,
Подобно, но тоньше нейронов,
Нейтрально, округло вращеньем, зеро,
Из линий магнитных корона.

Так обладает та сущность умом,
И памятью, мозгу подобно,
И сущность та вечна, мозг – временный дом,
Живет в нем, пока что удобно.

В основе бесполоя, а в тело войдя
Учиться, кем быть – выбирает,
Родители плоть, а не духа родят,
Сначала пусть личность сырая.

Но дух умещается в клетке живой,
Она хоть мала, но огромна,
И слух для любви напрягает он свой,
Тонкий, ранимый и скромный.

И если любви не уловит тепло,
Приход его матери горек,
Он стукнется в сердце её, как в стекло,
Нахлынет, откатится морем.

И след он оставит как чувство вины
Несостоявшейся маме,
Никто не увидит со стороны,
Как действие шло в мелодраме.

Ритуал дембеля

Чтобы марки лишние не тратить
На подшивку, пасту и конфеты,
На альбом заначку под кроватью
Берегу давно, использую я летом.

Умыкнули новую мы простынь,
Как отвлекся прапорщик на миг:
Ткань порвем на узкие полоски
Подшивать хэбушки воротник.

Из журналов тушью переводим
Разные картинки для альбома,
Например, девчонку на природе,
Мать солдата ждущая у дома,

Как бойцы бесстрашные в атаку
Устремились с криком на врага.
Не художник, выучишься всяко,
Коль о службе память дорога.

Распечатать фото в разведроту
Ходим, по соседству, но тайком,
Мзду берут, иль даром для кого-то,
Кто окажется случайно земляком.

Каблуки у ботинок, с набойками, клином,
Сколько пар дембелям переделал каптер,
От колен расшивали под моду штанины,
И пластину в погон, будет ровный и тверд.

А на китель значки: комсомолец, отличник;
А добыть повезет, то гвардеец, спортсмен;
А с латунью под ними на вид симпатично.
Да, о дембеле помнишь ты каждый момент.

Крест поставить на службу при случае нужно,
Замести веткой след по пути с полигона,
И под крики «Ура!» дембеля будут ужинать
Напоследок да в форме в значках, при погонах.

Все! Есть приказ и дана разнарядка отбытия,
Двадцать четыре месяца ждали это событие!

Дядя Юзеф

Дядя Юзеф утонул,
Немец, пленный с Кенигсберга!
Ты чего кричишь так, Верка?
Успокойся, сядь на стул...

Ну, рассказывай, родная,
Что случилось, в чем беда?
Ледяная ведь вода...,
Спьяну он полез, не знаю...

Кто полез? Да дядя Юзеф,
Там на озере в горах,
С камня прямо, божий страх,
Высоко, ползу на пузе

К краю самому, всплывет,
Нет ли, думаю, гадаю...
Всплыл как будто, выгребает,
Пред собою гонит лёд.

А потом нырнул и сгинул,
Пять минут, его всё нет,
Для меня померк тут свет,
Я – орать, бегут мужчины.

Дочка, что, сломала ногу?..
Или в озере русалку
Ты узрела?.. Дядю жалко,
Он нырнул, утоп, ей богу,

Дядя Юзеф. Эй, ребята,
Там у берега есть плот.
Ну, тогда бежим вперед!
Спрячт с кем-то, кроют матом,

Плот спихнули и шестом
Тычут дно куда попало...
Ну, а я тут побежала
Рассказать скорей о том.

Вот так да, беда большая,
Дядя Юзеф, смелый хрыч,
Не убит в войну. Не хнычь,
Верка, думать мне мешаешь.

Надо как-то тетю Нину
Поддержать, помочь, поди,
От него дитя родит,
А тут немец взял и сгинул.

Мужики идут, смотрите,
Может, все-таки достали?!
Сбегай-ка, узнай-ка, Валя,

Вова, Саша, Вера, Витя

По домам, а ну – бегом!..
Дядя Юзеф стал покойник.
Влезли мы на подоконник,
Видим крышку под крестом.

Жутко, страшно, но манит:
Люди, свечи, гроб, венки,
В крест лежащих две руки.
Дядя Юзеф крепко спит...

Три портрета

Три портрета на стене:
Брат, сестра, а между ними
Чуть с усмешкою отец.
Имена живут во мне:
Юра, Галя и Владимир —
Трое замерших сердец,

В двадцать пять от рода брата,
Тридцать с хвостиком сестры
И отца в самом рассвете.
Судьбы их как бы распяты,
Несгоревшие костры
На стене портреты эти.

Мать, жена, одна, седая,
Слышит, будто говорят,
Как живые, голосами,
Ночью рамки покидая,
И за стол садятся в ряд,
И рассказывают сами.

И она им все расскажет,
Упрекает, ли журит:
Вы ушли, а я осталась,

У портретов я на страже,
Жду и плачу до зари,
Муж и дети: Юрик, Гала.

Три портрета пожелтели,
Только лица неизменно
Смотрят, молча со стены,
Будто души, в самом деле
Избежать не могут плена
Из-за косвенной вины.

Семейный обед

Отца я помню, как в тумане,
Пять-шесть найдется эпизода,
Но память детская обманет,
В те дни, вернувшись через годы.

Веселый, стройный и подвижен,
А может, строгий, даже злой,
В рассказах мамы его вижу,
Во мне, ребенке, он живой.

Семейный стол полуовальный,
Отец, я слева, справа брат,
Он усадил нас специально —
Учить приличиям ребят.

Мне ложку левою рукою
Взять неосознанно хотелось,
Отец мне строго: Что такое? —
Бьет подзатыльник то и дело.

А брат откусит хлеб и долго
Жует его и не глотает,
Отец встряхнет его за холку, —
Не подавись, запей-ка чаем!

К его приходу дети в чистом
Должны одеты быть и рядом,
И стол накрыт семейный быстро,
После отца все только сядут.

Жена должна сидеть напротив,
А рядом с мамой дочь Галина;
Кастрюля с супом, с мясом протень,
Отец вино нальет с графина...

Сам помню ль это пятилетним,
Иль мама позже рассказала,
Как притихали сразу дети —
Отец входил неспешно в зало.

И те семейные застолья,
И воспитательные меры,
Не мог придумать я, тем более
С годами в память крепнет вера.

Недостоин

Позоришь класс! Как так? Не комсомолец.
Таких, как я, штук двадцать в нашей школе.
Не уж-то я один «позорю» этим класс,
Есть двоечники, знаешь ведь, у нас.

Без возражения пиши-ка заявленье,
Бюро рассмотрит, я похлопочу.
Я недостоин. Как? Имею кол по пенью.
Какое пенье?.. Да, ладно, я шучу.

Я не созрел еще, какой я комсомолец,
«Позорю класс» – меня ты припечатал.
Туда достойные идут по доброй воле,
А мне вступать пока что рановато.

Но почему ж? Я троечник, ты знаешь,
И двойку схлопотал за сочиненье.
А в комсомол как вступишь, так исправишь.
Исправлю, нет, имеет ли значение?

Ах, так!.. Живи пока что до собрания.
Комсорг, к чему угрозы, не пойму,
Займись другими, а я, что крайний?
Шмыгнул во двор, рукой махнув ему.

Порыбачили

Ну, что, студент, поедем на рыбалку?
Тут недалеко, в горы, километров за сто.
Нет мотика и для тебя, конечно жалко...
С утра рванем. Решили?.. Баста!

Валера в передках, пылит, ревет мотором,
Мы с Ванькой в хвост пристроились за ним,
По руслу рек, ущельем, лезем круто в горы,
Толкаем технику, где путь непроходим.

Гроза застигла нас на самом перевале,
Так хлещет дождь, дорога вся раскисла,
У скал стихии буйство переждали,
Где козырьком плита над тропкою зависла.

Никак студент замерз? А ну хлебни-ка
Грамм пятьдесят спиртяшки для сугреву.
И стало чудно мне в краю гористом диком,
Направо скалы ввысь, и пропасть слева.

А где ж река, спросил я удивленно,
Хотя бы озеро, где будем мы рыбачить?
Вот там, внизу, за полосой зеленой,
Река... Валера, нет, я думаю иначе.

Да брось, Иван, я знаю эту местность,
Вон в тех кошарах мне пастух знакомый.
Валер, куда ж изба исчезла, интересно?!
И лес, река, бугор, всё будто по-другому.

Не дрейф, Иван, и здесь найдем поживу,
Недаром бредень взял на всякий случай,
Студент, готовь костер, мы сетью живо,
Здесь в миг наловим рыбы всякой кучу.

За час пять рыбок только и поймали,
А их едва ли хватит на похлебку.
Притихшие, спирт в кружки разливали,
И вокруг себя оглядывали робко...

Валера, черт ты этакий хвастливый,
Куда завес?... Уж вечер наступил,
Лучей зари последние разливы,
И серп Луны на небе звездном всплыл.

А утро нам готовило подарок:
Пока мы спали, бык с кустов одежду
Сжевал, взамен блинов оставил даром.
Рыбачить здесь всё, кончилась надежда!

Дом чужой

Лицом и телом в бабку,
А в маму – склонность выпить,
С крыльца встряхнула тряпку,
Сказала: Проходите.

Здесь жил когда-то юным,
А взрослым ездил к маме.
Входил, запели струны,
В душе горело пламя.

Но дух чужой холодный
Свет погасил мгновенно.
Мог ждать я что угодно:
В убранстве перемены,

Немытую посуду,
Разбросанные вещи,
Но радость встречи чудо
Лишь ощущал бы резче.

А тут – чужая хата,
Нет места ностальгии,
Убита напрочь святость,
И воспоминания дорогие...

На этой печке мама
Варила щи отменно,
У притолоки прямо
Лежат два-три полена,

Сухие на растопку,
И обувь; рукавицы
Лежат сушится стопкой,
И шторка, из пестренького ситца.

Гудит огонь, бывало,
В той печке в зимний холод,
Для тяги с поддувала
Совком сгребает золу.

На старой табуретке
Мать папироску курит,
Из молодых соседка
Приходит к тете Шуре

Совет просить, поплакать,
Иль что-нибудь другое,
Мне все равно, однако,
Пришли, не беспокоят.

У двери рукомойник,
И таз большой под воду,
Сосок, бывало, тронешь,

А рук не моешь сроду,

Как прибежишь голодный,

И щи хлебаешь жадно...

Пусть мысли сколь угодно

Терзают, ну да ладно,

Пойду я вон наружу,

Чужим стал дом родной,

Я здесь теперь не нужен,

Вернусь душой одной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.